7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Является печатной версией сетевого журнала

Universum: филология и искусствоведение

Выпуск: 3(81)

Март 2021

Москва
2021

УДК 008+70/79+80/82
ББК 71+80/85
U55

Главный редактор:

Лебедева Надежда Анатольевна, д-р филос. наук;

Члены редакционной коллегии:

Бревнова Юлия Александровна, канд. культурологии;

Жукоцкая Зинаида Романовна, д-р культурологии;

Карпенко Виталий Евгеньевич, канд. филос. наук;

Купцова Ирина Александровна, д-р культурологии;

Попов Дмитрий Владимирович, д-р философии по филол. наукам;

Чурилина Любовь Николаевна, д-р филол. наук;

Шаронова Елена Александровна, д-р филол. наук.

U55 Universum: филология и искусствоведение: научный журнал. – № 3(81).
М., Изд. «МЦНО», 2021. – 36 с. – Электрон. версия печ. публ. –
<http://7universum.com/ru/philology/archive/category/381>

ISSN : 2311-2859

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.81.3

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 71+80/85

© ООО «МЦНО», 2021 г.

Содержание	
Филологические науки	4
Литературоведение	4
Журналистика	4
ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИАСРЕДЕ	4
Лебедева Елена Геннадиевна	
Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)	8
ВОПРОС О ЕДИНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ И ТВОРЧЕСКОГО ЗАМЫСЛА В ПРОИЗВЕДЕНИИ УЛУГБЕКА ХАМДАМА “ИСТОРИЯ ПОЛНОЙ ЛУНЫ”	8
Абдурахмонова Шарофат	
Русская литература	12
ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ТЮТЧЕВА И ВЯЗЕМСКОГО	12
Федосеева Екатерина Николаевна	
Языкознание	18
Русский язык	18
САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)	18
Ким Светлана Федоровна	
Курбаниязова Динора Сапарбаевна	
СТРУКТУРНО - СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА	28
Ким Светлана Федоровна	
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	32
ОБ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗНАЧЕНИЙ ПАРЕМ В ЯЗЫКАХ РАЗНОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)	32
Дехканова Озода Комиловна	

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.81.3.4-7

**ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В МЕДИАСРЕДЕ**
Лебедева Елена Геннадиевна

канд. филол. наук,
 доц. кафедры Журналистики и массовой коммуникации
 АНО ВО «Институт современного искусства»
 РФ, г. Москва
 E-mail: elena@elseproduction.ru

FAKE NEWS AS A MANIPULATIVE TOOL IN THE MEDIA ENVIRONMENT
Elena Lebedeva

Candidate of Philology, assistant professor
 of the Department of Journalism and Mass Communication
 "Institute of Contemporary Art" Moscow
 Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор рассматривает понятие, что такое «фейки», «манипуляция», «верификация» и «факт-чекинг». Отмечено, что ситуация пандемии коронавируса (как и любое масштабное событие или явление) повлияла на возникновение большого количества фейков о новом вирусе, способах его распространения, летальности и так далее. Крупные медиакомпании не остаются в стороне и прикладывают все возможные усилия по противодействию дезинформации.

ABSTRACT

In this article, the author examines the concept of what "fakes", "manipulation", "verification" and "fact-checking" are. It was noted that the situation of the coronavirus pandemic (like any large-scale event or phenomenon) influenced the emergence of a large number of fakes about the new virus, how it spreads, mortality, and so on. Large media companies do not stand aside and make every possible effort to counter disinformation.

Ключевые слова: фейки, фейковые новости, классификация фейков, манипуляция, верификация, фактчекинг.
Keywords: fakes, fake news, classification of fakes, manipulation, verification, fact-checking.

В последнее время значительно увеличилось количество фейков (или как их еще называют «ложных», «недоверенных», «некачественных» новостей или информации) в абсолютном, а не относительном ключе. Этот «фейковый бум» делает проблему актуальной само по себе, однако, сегодня необходимо говорить об изменении роли недоверенной информации в обществе и медиасреде, и выделении ее в новый феномен, называемый «фейкньюз». В настоящее время это уже не безобидная единичная ошибка

в передаваемых сведениях, а действующий инструмент для осознанной манипуляции в глобальном ключе. Изменились цели и задачи использования лживой или неполной информации, а также подходы к использованию и последствия от их трансляции.

Начнем с самого понятия – что такое фейки. Словосочетание «фейковые новости» в 2017 г. авторы словаря английского языка *Collins English Dictionary* объявили словом года. Пандемия коронавируса создала повод для производства новых фейков о вирусе, причинах его возникновения и последствиях.

Современные исследователи дают разные определения понятию «фейковые новости». Более того, многие из терминов, таких как «постправда», «фейки», «фейковые новости», «слухи», «дезинформация», «фальсификация», «обман» и «ложь», пересекаются у разных авторов или описывают друг друга. Это связано с тем, что ученые рассматривают эти понятия в различных контекстах. То же английское слово *«fake»*, которое переводится как «подделка» или «фальшивка», присоединяясь к «новостям», образует по сути то, что мы называем «ненастоящие» или «недоверенные» новости (хотя это определение гораздо шире, чем просто «фейк»).

По мнению С.Н. Ильченко [2, с. 25], «фейк – это журналистское сообщение, содержащее недостоверную и непроверенную информацию, не соответствующую реальным фактам и эмпирической действительности, и опубликованное в СМИ», а А.П. Суходолов указывает, что само понятие «фейка» очень широкое, поскольку содержит в себе целый спектр объектов и явлений – от ненастоящих текстов, фотографий, аудио- или видеозаписей до состояния «накрученной» или «раздутой» известности человека или какого-либо произведения. Противопоставляя «фейковую новость» новости обычной, которую можно охарактеризовать как сообщение сведений, представляющих общественно-политический интерес, Суходолов утверждает, что ««фейковая новость» – это сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично» [5, с. 89].

С.С. Распопова и Е.Н. Богдан [4, с. 48] дают следующее определение фейковым новостям – «это сфабрикованные новостные материалы, ложь в которых распознаваема и проверяема, хотя и способна ввести аудиторию в заблуждение».

Таким образом, фейк представляет собой информацию, искаженную полностью или частично. Вообще, когда мы слышим слово «информация», мы сразу же соотносим его с категориями правды или лжи. Обычно информацию называют правдивой, если ее можно подтвердить, доказать, или она уже соответствует реальности. Первостепенное значение в такой ситуации приобретает точное представление фактов. Под фактами понимаются достоверные знания, зафиксированные на бумажном или цифровом носителе (документы или фото-, видео, аудиозаписи).

Н.Ф. Пономарев в своей статье [3, с. 127] описывает порядок распространения фейковых новостей следующим образом:

- 1) фейки генерируются политическими технологиями и рекламщиками;
- 2) журналисты придают им огласку, добавляя статус «проверенности» и «достоверности»;
- 3) эти «псевдонОВОСТИ» становятся объектом деятельности медийных агентов в развлекательной сфере;
- 4) участники блогосферы (как сами блогеры, так и их аудитория) превращает уже прошедшие несколько этапов фейки в «меморативы» – нарративы из мемов;
- 5) заинтересованная сторона какого-либо процесса использует эти «меморативы» в качестве доводов и аргументов при вынесении решения, построении суждения о ком-либо, чем-либо.

Сегодня слово «фейк» становится синонимом к слову «обман». И тому есть масса доказательств: журналисты, СМИ, а также новые СМИ, блогосфера и социальные сети, используют фейки, фейковые новости и для манипуляции, для поддержания определенной стратегии над обществом. СМИ, осознавая свою массовую направленность, умышленно понижают уровень интеллектуального сообщения. Суть этого упрощения сводится к высказыванию одной главной мысли в форме утверждения. Такой подход позволяет отказаться от какого-либо обсуждения, «поскольку власть человека или идеи, которая может подвергаться обсуждению, теряет всякое правдоподобие» [1, с. 74-77]. Из-за того, что все сообщения СМИ стали «срочными», человек перестал понимать временную связь событий. Для него общественно-политическое действие превратилось в «наблюдаемый якобы со стороны спектакль». Можно сказать, что массмедиа, опирающиеся на тип мышления потребителя, сами «стали важнейшим фактором укрепления этого типа мышления».

Фейковые новости – такие же новости, но частично или полностью состоящие из недостоверной (или откровенно ложной) информация. Намеренное производство подобных новостей – введение в заблуждение или обман, что является признаком манипуляции. Следовательно, фейки могут быть использованы как инструмент для манипуляции.

Особенность манипуляции заключается в том, что объект не осознаёт, что им манипулируют, а думает, что он сам захотел так считать или делать. Хотя, на самом деле он ничего и не выбирал или решал, нужно утверждение, принимаемое за истину, ему «подсунули». Это обстоятельство порой делает выявление фейков очень трудоемким процессом, и не всегда «намеренность» манипуляции можно доказать. Правда, не всякий раз она действительно является намеренной.

Как отличить фейковые новости, фейковую информацию от настоящей, подлинной и предоставить своей аудитории верную и проверенную информацию?

Верификация информации – одна из важнейших частей редакционного процесса, которая в целом не изменилась при учете конвергенции СМИ. В каком-то смысле «смещение на цифровой основе» дало новые возможности для проверки информации.

Традиционно инструментами верификации являются: поиск первоисточника, «звонок» очевидцу, нахождение альтернативного источника и другие. Интернет добавил редакторам как обязанностей, так и возможностей. С помощью Интернета можно связываться с очевидцами событий, получать визуальные материалы, подтверждающие или опровергающие информацию, и собирать комментарии. Однако теперь необходимо также проверять достоверность аккаунта в соцсетях, место и время публикации и сведений, указанных в ней. По мнению зарубежных исследователей, существует 4 главных аспекта, которые необходимо верифицировать (подтверждать) в «*social media*» (социальных медиа). Среди них: оригинальность контента (происхождение), кто загрузил (источник), где загрузил (локация) и когда опубликовано (дата).

Ильченко выделяет 7 правил «фактчекинга» [2, с. 223].

- 1) поиск 2–3 независимых источников;
- 2) комментарий и информация - разные вещи;
- 3) поиск мнения стороны с альтернативной точкой зрения;
- 4) внимательность; необходимо искать ошибки в названиях, датах, именах и так далее;
- 5) пытайтесь проанализировать и понять цель публикации (возможно, она изначально планировалась как розыгрыш);
- 6) «точность важнее скорости»; суждение нужно выносить только после полного изучения материала и альтернативных точек зрения;
- 7) не стоит доверять тем публикациям, у которых не указан автор или источник.

Последнее десятилетие показало, что фейки способны охватывать медиaprостранство словно пожар. С.Н. Ильченко [2] отмечает, что традиционный «зомбоаппарат» сменяется новым «зомбоэкраном» с клавиатурой.

Стирание границ между фактами и фейками, а также отсутствие единой системы оценивания достоверности сведений подрывает демократическую систему общества, вызывает отсутствие доверия как к журналистике, так и властным структурам и, что самое важное, усиливает общественную разобщенность и снижает уровень гражданской солидарности.

Распространение фейков губительно сказывается на состоянии публичного дискурса – политические противоречия становятся острее, а общество дробится на более мелкие части «по интересам». Фейковые новости снижают уровень доверия к авторитетным общественным институтам, а также уничтожают саму идею существованию объективной информации.

Также на рост числа фейков обратили внимание создатели крупных медиа-платформ. Естественно, это связано не только с человеческим чувством справедливости и потребностью в правде у владельцев некоторых компаний, но и с тем, что пресловутые фейки распространяются именно на их площадках. Ни одной организации не выгодно репутация «рассадника лже новостей», поэтому в последнее время стали приниматься очень решительные меры по противодействию «фейкньюз».

Ранее уже было описано, что фейки распространяются быстрее достоверных новостей. Особенно хорошо это правило работает для мессенджеров. Например, *WhatsApp* уже не первый год борется с распространением фейков. Изначально в мессенджере можно было пересылать сообщения 256 людям из вашего списка контактов. Затем это число ограничили пятью, а сами сообщения стали маркировать двумя стрелочками – это означает, что вы не единственный получатель. В 2020 г. появились новые правила, теперь сообщения, которые прошли через цепочку из пяти пользователей, можно переслать только одному человеку за раз. Однако, к этому решению можно было бы добавить снятие анонимности с пересылаемых сообщений. На данный момент ни одно из них не маркируется именем отправителя.

Из-за большого количества недостоверной информации, связанной с пандемией коронавируса, у ученых появилась потребность как-то ее классифицировать, чтобы разобраться – как и почему они появляются. Группа городских антропологов и фольклористов из Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС стала собирать легенды и слухи, передаваемые в социальных сетях и мессенджерах [6]. Таким образом они формируют «Энциклопедию слухов», в которой на данный момент можно найти различные фейки 6 категорий:

- псевдомедицинские советы (от врача Юрия Климова, существование которого не подтверждено);
- народные или религиозные рецепты (например, как чеснок или имбирь помогают защититься от вируса);
- «алармистские» предупреждения (посвящены слухам «вот-вот, что-то произойдет»);
- «свидетельства» о происходящем от первого лица (отмечается, что изначально сведения могут быть в целом достоверными, но местами преувеличенными, однако их вырывают из контекста и, сохраняя форму сообщения от первоисточника, передают с дополнительными подробностями);
- подделки официальных документов;
- рассказы о происхождении вируса.

Ученые подозревают, что типология собранных слухов может расширяться, а также призывают равнодушных граждан делиться с командой исследователей подобными историями. Это позволяет базе пополняться, а также увеличивает точность в разработке категорий и позволяет лучше понять функционирование городских легенд.

Таким образом, можно сделать выводы, что:

- верификация информации – важная часть существования в медийном пространстве (бесконечный поток новостей порой не дает возможности анализировать каждый нюанс, поэтому приходится расставлять приоритеты);
- важно не только научиться грамотно выбирать и обращать пристальное внимание на те части материалов, в которых потенциально может быть ошибка или намеренное искажение, но и понять – как именно эти сведения можно верифицировать;
- ситуация пандемии коронавируса (как и любое масштабное событие или явление) повлияла на возникновение большого количества фейков о новом вирусе, способах его распространения, летальности и пр.;
- сущность фейковых новостей позволяет использовать как инструмент для манипуляции, поскольку недостоверные сведения в них способны вводить в заблуждение, что уже по сути является манипуляцией;
- далеко не всегда фейки создаются намеренно.

Для многих ученых это стало очередным поводом для проведения новых исследований, которые могли бы помочь понять алгоритмы появления и распространения фейков, слухов и городских легенд.

Список литературы:

1. Дашкова А.Ю. Манипулятивные методы воздействия на массовое сознание // Вестн. ПАГС. - 2010. - № 1. - С. 74-77.
2. Ильченко С.Н. Как нас обманывают СМИ: Манипуляция информацией. – СПб, 2018.- 320 с.
3. Пономарев Н.Ф. Фейковые новости в контексте постправды // E-Scio. - 2019. - № 6. - С. 126-133.
4. Распопова С.С., Богдан Е.Н. Фейковые новости: природа происхождения // Вестник Челябинского государственного университета. - 2017. - № 11. - С. 48-53.
5. Суходолов А.П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиaprостранстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. – 2017.- № 1.- С. 87-106.
6. Энциклопедия коронавирусных слухов и фейков. 2020. Апр., 8. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://nplus1.ru/material/2020/04/08/coronarumors> (дата обращения 10.02.21).

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

ВОПРОС О ЕДИНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ И ТВОРЧЕСКОГО ЗАМЫСЛА В ПРОИЗВЕДЕНИИ УЛУГБЕКА ХАМДАМА “ИСТОРИЯ ПОЛНОЙ ЛУНЫ”

Абдурахмонова Шарофат

*магистр литературоведения
Гулистанского государственного университета,
Республика Узбекистан г. Гулистан
E-mail: gulomjonterdu@mail.uz*

THE QUESTION OF THE UNITY OF ARTISTIC THINKING AND THE CREATIVE CONCEPT IN THE WORK OF ULUGBEK HAMDAM "THE STORY OF THE FULL MOON"

Sharofat Abdurakhmonova

*Master of Letters,
Gulistan State University,
Uzbekistan, Gulistan*

АННОТАЦИЯ

Эта статья посвящена художественной идее, творческому замыслу и единству мысли повести Улугбека Хамдама «История полной луны». В статье содержится ряд теоретических наблюдений об уникальном стиле творчества Улугбека Хамдама. В нем философски прослеживается вечная борьба между внутренним миром человека и внешним миром. Образ творца как образ интерпретируется как герой, раскрывая его индивидуальные стороны. Основные принципы авторского имиджа исследуются применительно к стилю.

ABSTRACT

The article is devoted to the artistic idea, the creative concept and the unity of thought of a story of Ulugbek Hamdam "The Story of the Full Moon". The article contains a number of theoretical observations about the unique style of creativity of Ulugbek Hamdam. He philosophically traces the eternal struggle between the inner world of man and the outer world. The image of the creator is interpreted as a hero, revealing his individual features. The basic principles of the author's image are studied in relation to the style.

Ключевые слова: образ, мышление, рассказчик, автор, персонаж, описание, художественная речь, стиль, оценка, система образов, авторская речь.

Keywords: image; thinking; narrator; author; character; description; artistic speech; style; evaluation; image system; author's speech.

Будучи одним из зрелых представителей узбекской литературы нового времени, творчество Улугбека Хамдама привлекло внимание многих литературоведов и читателей как своими лирическими, так и эпическими произведениями в современной литературной среде. Его произведения "Равновесие", "Бунт и послушание", "Старый Свет и новое я" получили высокую оценку литературоведов. Есть еще одно замечательное произведение Улугбека Хамдама, которое в свою очередь привлекает внимание читателя. Это произведение называется «История Полнолуния». Хотим обратить ваше внимание на эту работу. История примечательна тем, что построена на глубоком символическом значении, а также приглашает к философским наблюдениям. Автор сумел придать названию рассказа много смысла. Внутреннее воображение

и идеи автора, а также его неповторимый голос можно узнать из текста. Если обратить внимание на тематику произведения, такие восприятия появляются в глазах читателя, который сначала еще не прочитал рассказ. Мы знаем, что полная луна – это символ благополучия, благополучия, мира. С тех пор, как человек был создан, он всегда ищет комфортную среду для своей жизни, постоянно работая над этой потребностью. Однако луна заполняется не каждый день. У природы свои законы. То же самое и с людьми: они не могут проводить каждый день сытно, комфортно и спокойно. Человек – существо беспомощное. Опять же, полная луна не перестанет пытаться платить снова, и эта потребность будет продолжаться непрерывно, пока она полная. Потребности человечества также не знают окончательности.

Человек хочет все больше и больше. Хотя луна сможет выдержать базорианскую полноту в течение месяца, на следующий день нить станет тоньше. Человек также упорно карабкается к своей цели в своей жизни, когда он достигает ее, желтизна реальности не остается славой. Человек еще не научился хорошо ценить. Вот и получается вывод: полная луна – это символ человеческих потребностей. Он говорит о желаниях людей. Поэтому название произведения воплощается в целостной форме под символом символической луны, исходя из ее сущности.

Теперь, исходя из содержания работы, мы выражаем следующие точки зрения. Если посмотреть на него со вниманием, то в названии и эпиграфе самого произведения отражено одно содержание, а суть глубже, серьезнее. Их сила не равна силе ведущего контента. Работа посвящена полнолунию. Все те, кто ищет полнолуние в путешествии в поисках собственной нужды, осознают, что это на самом деле и добиваются памятных вещей. Когда-то давным-давно рассказ по существу напоминает произведения Фридриха Ницше "Самопознание" и Джалаладдина Руми "Внутри", и рассказ действительно является одной из категорий этих произведений. Автор, вспоминая, что говорила его бабушка Сорок лет назад, определяет строгое направление к сути рассказа и таким образом объясняет название произведения. Почему автор вводит этот эпизод в рассказ? Известно, что глаза у всех разные. То есть, когда вы кормите луну, каждый ведет себя по-своему по-разному. А пока фраза Руми (каждый живет рядом со своей нуждой) выходит на поле в качестве эпиграфа.

Кто таким образом видит и принимает то, что хочет, тот видит нечто близкое себе даже с луны, хочет сказать автор. Луна путешествует по Земле семь дней: Первый день – художник, второй день – пастух и невеста, третий день – нищий, четвертый день – богатый, пятый день – пленник, шестой – собака, а седьмой день – это пещера. В его путешествии под землей семь слоев того, что он видел над каждым слоем земли, встречаются с ним в обратном порядке. Но автор также подразумевает загрузку в это других смыслов. В частности, в семидневном путешествии Луны заметна градация человеческих потребностей: творчество, поклонение, любовь к нему, соблюдение предписанного – считается нашей самой необходимой потребностью, поэтому автор приравнивает эту потребность к первому дневному путешествию – первой необходимости и посвящает ее образу самого Бога. Второй день сталкивается с пастухом и невестой, что объясняется ее сердечными желаниями, любовью мужчины к мужчине. Попадает 3-дневный нищий, он символизирует материальные потребности тех. Но в эпизоде о богатых мы встретим несколько других символов. В игре перевод контракта в кавычки накладывает на него дополнительный смысл. То есть автор дает представление о том, каким будет содержание и форма договоров, и к 2100-му году можно будет сказать, что форма-ветер договоров вряд ли будет в таком состоянии. Уважаемый господин луны "Х. Х. Х." есть также символизм в переносе на га.

Почему именно буква "Х" выбрана и поэтапное осуществление платежа относится к другому смыслу. Как мы уже упоминали, в путешествиях существует идея степеней. Однако на протяжении всего рассказа есть отступление в этой идее автора. Автор делает это сознательно.

Наблюдаем: 1) веру. 2) сердце. 3) сущность. 4) нафс. // 5) свобода. 6) одиночество. 7) идентичность. Оцениваются потребности 1-4 человек. От 5 до 7 человек необходимые основы для «Я» ранжируются по возрастианию. Итак, что нужно для «Я»? Свободный дух в первую очередь: свобода. Во-вторых, человеческое благословение (эпизод с собакой). В-третьих, потребность в самостоятельности. Автор разграничивает эти два уровня пейзажа через изображение дождливой природы. По сути, концепция рассказа тщательно продумана. Примечательно, что Луне приятно видеть то, что она ищет на седьмом этаже Земного снега – свое отражение. Теперь приговор идет не так, как надо. Автор оценивает это как желание, но в конце событий отвергает его.

Здесь речь идет об отношениях человека со мной наедине. Ведь для человека, который первый день пути приписывал необходимости послушания Богу и подчеркивал, что нет нужды ему отдавать предпочтение, разве не нужно быть благочестивым после всех тех зрелищ, которые растут в обратном порядке в земле снежной? В конце концов, Земля должна была закончиться с Богом. Но желание человека к самореализации – это другое дело. В противном случае из истории исходит другое содержание. Автор оставляет эту сторону вопроса открытой. Еще одна особенность автора – особый подход к речи. Примечание: «Вчера сказочная красота была настолько завуалирована, что люди, не задумываясь, бросались на улицу (может быть, на улицу ночи!), пока они не отказались от сладкого сна». Это означает, что ночь на улице – автор имеет в виду любую улицу, где светит луна, и такая ситуация может повторяться каждый день. Неважно, какая сейчас ночь. На улице ночью, значит, он на «улице». То есть «та улица» – таинственная известная нам лунная ночь. Об улице есть секретный эпизод. Теперь смысл переходит на улицу сердца. В то же время люди движутся навстречу своим потребностям. То есть ступенька предпочтительнее луны. На третий день путешествия автор использует следующую фразу: он называет луну «светом улиц и улиц». Это означает, что Луна считает себя связанной с обоими. Он делает законом быть во всем.

Луна ощущает свою кажущуюся полноту от таинственного взгляда звезд. Но эта радость пробудила в нем "безымянные чувства". В этот момент проявляется характер удовлетворенности людей вместо того, чтобы следовать одной линии, искать другую. Неназванные чувства – это на самом деле высокие чувства, которые раздражают человека за каждый момент самовыражения. Из-за этих чувств в жизни людей есть и душевная боль, и очарование. Но, чтобы полностью понять это, человек должен иметь мужество проникнуть даже в самые глубины Земли. И в этой истории нет ничего удивительного,

если она служит ключом к тому, чтобы иметь такое же мужество.

В первый день желания старик не садится на луну, создатель не любит луну. Есть в жизни и такие люди, которые хотят быть первоклассными для своих близких. Однако высказывание, которое автор хочет сказать, отличается. Луна одна. В конце истории луна узнает и утешит себя. Акси по-своему луна – это последняя стадия в ее приближении к самореализации. Улыбающийся звук луны в Солнечной системе, храп луны – это относится к тому, что человек понимает, что его догматы не люди, а точно такая же "луна", как и он сам. Но, как известно, луна одна. Полная луна не разочаровывает от этого, наоборот, она старательно начинает выполнять свою задачу перед природой – такую высокую обязанность, как освещение ночью. Если идея рассказа тщательно соблюдена, то в ней есть глубокий смысл: есть люди, которые не знают, что имеют право жить ради потребностей. Это общественные жертвы. Они иногда чувствуют тяжесть возложенной на них задачи, заполняют место одиночества обществом. Они изучают себя таким образом, чтобы понять, для чего они были созданы, придавая прекрасный смысл своей жизни.

Есть и другая история творца, в которой автор непосредственно попал на бумагу, в свой внутренний мир. Это его рассказ "Одна чаша воды". Произведение рассказывается от первого лица. Тиради в ней рассказчик отражает образ автора внешне героя. Только один герой вовлечен в историю, а другие маленькие персонажи служат инструментом для сути истории. Но в процессе чтения произведения мы ощущаем только одного героя – автора. Автор философски подходит к построению идеи произведения. Восприятие содержания в ней вызывает у читателя особый интерес. По сюжету задание загружается в сад героя. Задача состоит в том, чтобы своевременно доставить неизвестный груз, загруженный в тележку, по указанному адресу. До сумерек он должен добраться до адреса. Задача, которая была первоначально поставлена, кажется герою легкой. Но когда наступает день рака, горячая температура начинает испытывать его энтузиазм. Автор пытается побудить себя преодолеть эту силу, но когда его устремление находит отклик, он глубже чувствует, что ответственность в его саду тяжела: "Заметил ли он необходимость сберечь силу, я уйду в подсознание, Замзаму от песен, которые знаю или не знаю. Затем я даю себе передышку, чтобы грызть, и я собираюсь сгореть во круг, я собираюсь потерять этот молодой кусочек этого озера. Широты, прилегающие к горизонту, пробуждают мои чувства. Я пью полную жизнь, моя сила не вмещается в мое тело, я вздрагиваю и кричу – Уууууууууууу!!!" – немного позже Эхо возвращается из окружающей среды: "Гууууууууууу!!!" – илкис, я задыхаюсь, мой напиток замерз. От холода на лбу до жара рака-холодный пот. Желая спасения, я снова оглянулся вокруг".

Однако автор даже не унифицирует тот факт, что процесс развития ситуации не должен быть столь бурным: "Что-то было заметно в сардобамоне и на расстоянии от одного махала. В голове много надежды, хотя у Зеро сердце скребло от Миража.

Однако, даже если я стал злым, снег сардины не погас. Он снова приподнялся и шагнул вперед со всей силой в поле зрения, подтягиваясь все яснее. Он-то и оказался большим конвоем на обочине. Не знаю, как я остановил лошадей от ликования и как выпал из телеги, как простыни появились перед распахнутыми воротами, пока глаза не открылись. О боже! Это было, как если tobda дал мне меха жизни!..". Намерения автора недостаточно для того, чтобы литературное произведение вышло на поле.

Поскольку намерение автора состоит в том, чтобы продвигать определенную идею, он должен быть в состоянии продвигать ее. Одно из главных условий, которое нужно уметь поощрять – это доверие к читателю. Ценность произведения не сохраняется, даже если автор или бухгалтер не верит в сказанное персонажами, в детали произведения, в события, в сомнения. Действительно, автор также учитывает Мейора в процессе уступки страданиям. Когда один ломбардец вспоминает, как много они выстрадали в горе от питьевой воды, он снова привносит тяжелый дух в условия. То есть за миску воды целый день – Подоконник высохнет и ползет с силой бора. Однако, как только вы выпьете воду и начнете истекать кровью, пока вы будете стремиться и действовать, это желание сразу же сбудется. Теперь в нем нет жажды. Вот что делало его аламом. Вы будете вдвойне отвлечены, чтобы заплатить ту же плату за воду. Это показалось бы ему еще большей потерей. Ведь он должен до конца дня доставить товар до места назначения. Он провел полдня в сардобе, чтобы утолить жажду.

Пустыня внутри сардобы тоже поражает героя. Фактически, они были символом некоторых людей, которых мы встречали в жизни. Автор пытается объяснить это в общих чертах: «Я видел людей у подножия холма, укрытые от общего вида: они выстроились в ряд. Но я почему-то не увидел на их лицах признаков радости. Прости, я сказал дон. Потому что темные лица не соответствовали общему настроению людей здесь, которые ели, пили и веселились! Когда они вошли, в глазах каждого стояла надежда и радость, а когда они уходили, они горели печальным и измученным сиянием. Теперь с жалостью смотрю на тех, кто меня развлекает, стоя в очереди, лежа на сцене и в сарае. Я говорю, если вы знаете-посмотрите случаи после кровотока бирпа... внутри меня...". Конечно, это те образы, которые автор воображает и в то же время не имеют ничего общего с реальностью, но он хочет объяснить, что все уродство человеческого сознания богато такими же образами.

Когда герой-сказочник расплачивается за воду, он снова сталкивается с той же дверью девушки. Что его удивило, так это то, что он был полон сил, когда входил в дверь, у него был определенный возрастной энтузиазм. Однако когда он выйдет оттуда, то, наоборот, будет находиться в состоянии истощения, иссушая желудок и оставаясь бессильным. Однако предполагалось, что он находится в состоянии вялости без желудка, в котором жажда иссякала. Однако жажда утоляется, и он чувствует в ней тяжесть. Все разговоры велись, когда он оставался в своем

особняке и видел, что он сделал. Касл хочет привлечь героя к своему Доми, как и все остальные. Но он избавится от этого греха аранга. Правда, поначалу замок завораживает ее своей красотой. Даже желание остаться в этом образе на всю жизнь в игре автора рождается. Однако он будет помнить задание в своем саду и будет продолжать уходить. Бунда высказывание, которое автор хочет сказать, таково: "Каждый человек – пассажир". Он должен провести жизнь, данную Аллахом, как пассажир. По пути он будет продолжать испытывать различные ослепительные ароматы мира. Но сам он должен воздерживаться от этих благословений. В противном случае он опоздает по указанному адресу. То есть двери присутствия Аллаха могут быть закрыты. Это признак сна, что указанный груз по указанному адресу будет доставлен живым. Душа настолько тонка и чиста, что теряет свою ценность, если она приносит ей мало вреда. Поэтому ему поручено не вскрывать груз. Необходимо сохранить душу живой таким образом – как Бог сделал ее чистой-и доставить ее ему. Потому что это залог, который дан нам от сотворения. Но наш герой просит воды с намерением утолить только одну жажду. Но его намерения не изменились. Однако, войдя в замок, мы пропустим довольно много времени. А когда он погаснет, одна из вод в глазу пойдет на урок и выльется на дно телеги. Автор здесь налагает на кажущуюся ВВА ботину смысл. В первом герой съедает урон, так сильно страдая за глоток воды. Однако, когда он знает, что груз, который он несет, – это вода, он становится странным. Как только он не видит того же груза, он делает его аламом. Здесь это тоже будет так, потому что это относится к поставленной задаче. Потому что ему было приказано не видеть, как груз открывается.

Замысел автора сложен по отношению к данному материалу. Если значение одной нагрузки велико, то необходимость скрывать ее будет соответственно сильной. Возникает вопрос, почему человек, сказавший задание, приказал не видеть груза. В конце концов, это просто, что это была просто вода! Есть также поговорка, что автор даже не дает образа работодателя. Не описанный автором абстрактный человек фактически служит тестовым изображением. Может он сам автор. Он настаивает, что не открывал воду. Он выполняет эту задачу – не открывать багаж, а вторая задача не успевает доставить его в квартиру. По сути, эта задача не исчерпана. Итак, идея, которой пытается помочь автор, отличается. В противном случае автор не оставил бы конец этой задачи открытым потому, что ни один создатель никогда не забывает подчеркнуть главную идею. Здесь вода в кувшине была символом сердца. Автор, чья стоимость выше золота, поэтому включает эпизод о том, что груз не открывается. Однако по адресу он опоздал. Кувшин с водой пролился на землю. Она больше не стоит ни капли воды потому, что он знает, что теперь у него есть вода. Жилье для него перестало быть сложной задачей. Его единственной проблемой была вода. Когда была вода, не было других проблем, которые мешали бы дому. Однако его не интересует близость своего дома. Он провалил тест. Если бы он благополучно добрался до дома, он сохранил бы свое сердце чистым. Правда, по дороге багаж не открывал. Он знает, что в кувшине есть вода из-за тепла почвы. Однако дьявол всегда находит выход на хитрый поступок. За героем гонятся по-другому. Он хочет пить. Все мы знаем, что сатана всех искушает жаждой. Но наш герой теряет время. Одна из вод в кувшине опускается на землю. У него нет секретов. Теперь он точно знает, зачем и куда он идет. Он потерял всякое любопытство. Сатана достиг своей цели.

Список литературы:

1. Хамдама У. История полнолуния. Узбекистан, 2017.
2. Махмудов М. Вдохновение, имидж, вдохновение и талант. Восточная звезда. – № 3. – 2014.
3. Каххар А. Разговор с молодежью. – М.: Молодая гвардия, 1968.
4. Курунов Д. Основы теории литературы. – Ташкент, 2018.
5. Йулдош К., Йулдош М. Основы художественного анализа.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ТЮТЧЕВА И ВЯЗЕМСКОГО

*Федосеева Екатерина Николаевна**д-р филол. наук, профессор
Иорданского государственного университета,
Иордания, г. Амман
E-mail: florence2000@mail.ru*

POETIC DIALOGUE BETWEEN TYUTCHEV AND VYAZEMSKY

*Ekaterina Fedoseeva**doctor of philological Sciences, full professor
of Jordan University,
Jordan, Amman*

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются творческие и личностные взаимоотношения Вяземского и Тютчева в историко-литературном контексте, их поэтические отклики на творчество друг друга. Анализ созвучных мотивов и образов, непосредственно связанных с темой общения, позволяет выявить своеобразие художественной картины каждого из поэтов, раскрыть их индивидуальный и в то же время общий духовный и душевный опыт.

ABSTRACT

The article explores the creative and personal relationship between Vyazemsky and Tyutchev in the historical and literary context, their poetic responses to each other's work. The analysis of consonant motifs and images directly related to the topic of communication allows us to identify the originality of the artistic picture of the world of each of the poets, to reveal their individual and at the same time common spiritual and mental experience.

Ключевые слова: поэзия XIX века, лирика, диалог.

Keywords: poetry of the XIXth century, lyrics, dialogue.

Пушкин и Вяземский принадлежат к одному поколению пушкинской эпохи, поэтому естественным воспринимается их интеллектуальное и творческое притяжение, возникшее в начале 1840-х годов. Именно в этот период времени в лирическом наследии обоих поэтов обнаруживаются явные сближения. На это обратил внимание еще Н.А. Некрасов, опубликовавший в январской книжке «Современника» за 1850 год статью «Русские второстепенные поэты» [6]. В отечественном литературоведении творческие и личные взаимоотношения поэтов исследовал Д.Д. Благой, посвятивший этой проблеме специальную статью «Тютчев и Вяземский».

Вяземский принадлежал к так называемой «пушкинской плеяде». Это содружество, имеющее вполне определенный состав участников, выражалось в обмене репликами, созвучии мотивов и образов, соотносении своего поэтического слова с чужим, сотворчестве и живом соучастии. Вокруг Тютчева формировался совершенно иной союз поэтов, чей стиль и поэтика отличались от пушкинских. Тем не менее, лишь с одним Тютчевым Вяземский находил «кое-что общее» [1, с. 247]. «Тютчев не принадлежит к первоначальной нашей старине, — писал

Вяземский. — Он позднее к ней примкнул. Но он чувством угадал ее и во многих отношениях усвоил себе ее предания» [3, с. 11]. Вяземский тяжело переживал уход из жизни тех, с кем его связывали общие воспоминания, и этот пробел в какой-то мере восполнял только Тютчев, с которым он мог «перекликаться воспоминаниями последних двух десятилетий». Наличие общих учителей, единомышленников, органичное приятие Тютчевым любимой «старины», питавшей Вяземского всю его жизнь, создавало живую среду для общения двух поэтов. Вяземский воспринимал Тютчева как связующее звено между пушкинским веком русской поэзии и современностью.

Основную часть лирических текстов, непосредственно обращенных Тютчевым к Вяземскому, составляют поздравления с именинами, днями рождений. В стихотворении «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского» (1861) Тютчеву более всего важна одна грань личности Вяземского – его поэтическое дарование, поэтому он в основном рисует облик Вяземского поэта:

Вас юношей настигнув в добрый час,
Она в душе вас крепко полюбила
И долго всматривалась в вас.

Досужая, она не мимоходом
 Пеклась о вас, ласкала, берегла,
 Растила ваш талант, и с каждым годом
 Любовь ее нежнее все была. [7, II, с. 125]

Несмотря на то, что у музы свои привязанности и пристрастия, она, в отличие от судьбы, более разборчива, и ее дары – не по ошибке. Если судьба часто награждает недостойных, то муза долго испытывает своего избранника.

В этом посвящении Тютчев активно использует образы из поэтического словаря юбиляра. Так, «светлая» чаша – излюбленный художественный образ Вяземского. Полный до краев бокал вина – метафора неисчерпаемых творческих возможностей друга-поэта, чей талант набрал силу с годами.

Другое тютчевское послание написано непосредственно в день рождения Вяземского – 12 июля по старому стилю. Прекрасный июльский день – подарок князю Вяземскому от природы, способной откликнуться на радость человека своим цветением и красотой: «сама великая природа ваш торжествует юбилей».

В день именин Вяземского Тютчев шлет поздравление телеграфом. Существует две редакции этого поздравления. В редакции, озаглавленной «Телеграмма князю Вяземскому в Петергоф» (1865), текстовое пространство в меньшей степени отдано адресату поздравления, содержит автохарактеристику Тютчева, называющего себя «беспомощным и убогим». Физическое и душевное состояние больного человека представлено на контрасте с сияющей природой. Тютчев мысленно переносится в «дивный и светлый угол» Петергофа, где проживал в то время Вяземский. Оба поэта восхищались красотой этого места, неумолкаемым «напевом» фонтанов.

В другой редакции той же телеграммы «Князю Вяземскому» (1865) в числе всех прочих напастей, от которых Тютчев призывает Бога хранить Вяземского, названа и бессонница, которая стала для князя источником беспрестанных ночных мучений и одной из сквозных тем его поздней лирики.

Есть телеграф за неименьем ног,
 Неси он к вам мой стих полубольной.
 Да сохранит вас милосердный бог
 От всяких дряг, волнений и тревог,
 И от бессонницы ночной. [7, II, с. 161]

К Вяземскому обращено и полное упреков назидательное стихотворение Тютчева «Когда дряхлеющие силы ...» (1866), вызванное к жизни несправедливыми нападками князя в одной из эпиграмм на М.Н. Каткова, редактора газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник». Это стихотворение практически ставило под удар отношения Вяземского и Тютчева. Тон послания весьма резок, и его несколько не смягчает даже тот факт, что Тютчев делает героем стихотворения лирическое «мы». Тютчев молит доброго гения избавить души его ровесников и людей старшего поколения от «затаенной злобы на обновляющийся мир», поскольку неразумно и недостойно пенять на естественное течение событий, закономерность хода исторического развития. Однако в более

раннем стихотворении «Как птичка раннею зарей...» (1831-1836) Тютчев говорит не только о несправедливости жалоб уходящего поколения, но в то же время и о «праведности» его упреков. Тютчев, как и Вяземский, ощущал себя «обломком» прежней жизни, «живым мертвецом», но вместе с тем проявлял больше терпимости и мудрой снисходительности и был рад благословить «новых гостей», пришедших на уготованный им пир.

Вяземский также обращался к Тютчеву с посланиями. Стихотворение «Ф.И. Тютчеву» (1864) является живым откликом Вяземского на тютчевскую миниатюру «О, этот юг, о, эта Ницца!..» (1864), навеянную горем от недавно пережитой кончины Е.А. Денисьевой. Сломленность, бессилие противостоять ударам судьбы, прикованность долгу воплощены в образе птицы, «прижавшейся к праху».

Вяземский в ответном обращении использует образы из тютчевской миниатюры «Поэзия» (1848), в которой говорится о творчестве как средстве восстановления гармонии и согласия в мире и душе поэта. Вяземский подхватывает мысль Тютчева об очищающей и примиряющей силе искусства. Поэзия – посланница небес, воплощение согласия и разума бытия.

Скорбь и печаль, исторгнутые струнами лиры поэта, гармоничны и благословенны. Это живая скорбь, которая не уводит от горнего мира, но приближает к его высотам. «Язвы злополучья» под поэтическим пером преображаются в «перлы созвучий», облагороженную, небесную, возвышающую душу муку. Вяземский говорит не о «бессилье», а о звучности, то есть о силе и красоте поющего голоса, даже если он поет о муке, и этот голос тем громче, чем сильнее он трогает чужую душу, переливая в нее печаль и заставляя переживать чужое горе, как своё собственное.

Твоя подстреленная птица
 Так звучно-жалобно поет,
 Нам так сочувственно певица
 Свою тоску передает,
 Что вчуже нас печаль волнует,
 Что, песню скорби возлюбя,
 В нас сердце, вторя ей, тоскует
 И плачет, словно за себя. [5, с. 387]

Помимо непосредственных откликов, посланий, адресованных друг другу, несомненна мотивная и образная близость произведений Тютчева и Вяземского, создающая поле для опосредованного поэтического диалога.

Противопоставление ночи и дня характерно для обоих поэтов. Причем здесь можно выделить два аспекта: ночь как избавление от вседневных забот, житейской суеты и ночь как обнажение истинной сути мира. В стихотворении Тютчева «Еще шумел веселый день...» (конец 1840-х годов) мир теней противопоставлен шуму и пестроте «стошумного» дня. Невнятная утомительная разноголосица дня разрешается в согласный аккорд вечернего мира, несущего покой и умиротворение.

Любование красотой природы в вечерних сумерках – отправная точка, ведущая к погружению

внутри себя, в собственное бытие. Сумерки даруют расслабление, умиротворение, мягкость чувств: «И мягкостью и теплотою прежней / Разнежится унылая душа». Сумерки как угасание дня ближе мироощущению уже пожившего человека, нежели суетливый, кричащий, слишком яркий и потому утомительный день. Сумерки души созвучны сумраку природы.

Тютчев:

О, как пронзительны и дики,
 Как ненавистны для меня
 Сей шум, движенье, говор, крики
 Младого, пламенного дня...
 О, как лучи его багровы,
 Как жгут они мои глаза!..
 О ночь, ночь, где твои покровы,
 Твой тихий сумрак и роса!..

(«Как птичка раннею зарей...», 1831-1836) [7, I, с. 218]

Вяземский:

Порою невоздержных лет
 Мы любим пыл и блеск страстей,
 Но полурадость, полусвет
 Нам на закате дня милей.
 («Моя вечерняя звезда...», 1855) [5, с. 335]

Настоящая жизнь начинается для Вяземского тогда, когда «дня стихают голоса» и на его смену заступает «серебряная ночь», полная живительной прохлады и мечтательной тишины. Именно в это время он получает возможность общаться с милыми его сердцу призраками, навещающими его из минувшего. В сумерках в душе человека ярче загораются «сердечные преданья», легче осуществляется возврат в прошлое: «При свете вечеряющего дня, / Мой детский возраст смотрит на меня» (7, II, с. 23).

Но не только умиротворение и негу приносит наступление ночи. Тютчеву и Вяземскому знакомо состояние беспомощности и одиночества человека перед лицом ночной стихии. Ночь выступает как иррациональное, неразумное начало, то время, когда «глухонемые демоны» ведут между собой беседу. Вяземский, как и Тютчев, так же чувствует демонов в ночи, в его душе просыпаются «одичалые» чувства. Если мир ночной для Тютчева бестелесен, то Вяземский физически ощущает ночную стихию. Он чувствует царапины, которые оставляют томительные часы бессонницы в его душе.

Но, скучные часы моей бессонной пытки,
 В движениях своих куда как вы не прытки,
 И, словно гири, крыло обременя,
 Вы тащитесь по мне, царапая меня.
 И сколько диких дум, бессмысленных, несвязных,
 Чудовищных картин, видений безобразных,
 То вынырнув из тьмы, то погружаясь в тьму,
 Мерещатся глазам и греются уму!
 (Бессонница, 1861) [5, с. 370]

У Тютчева хаос пожирает человека, в «Бессоннице» Вяземского появляется образ змеи, глотающей ночные часы. К ночным откровениям невозможно привыкнуть, несмотря на исконную, «родимую» связь между хаосом и душой человека: «язык для

всех равно чужой ...» (Тютчев), «как будто в первый раз» (Вяземский). Бодрствование ночью – это нарушение порядка, установившейся нормы, человек нечаянно становится свидетелем того, чего видеть и слышать не должен. Ночь – это царство истины, в отличие от обманчивого дня, прекрасный покров которого не более чем легко сдергиваемая декорация. Избавиться от ночной стихии непросто и днем, так как остается на человеке отзвук ночных ужасов, «вчерашний зной, вчерашний прах».

Ночь вызывает злые мысли,
 Чувств одичалость, горечь дум;
 Не перечислишь, как ни числи,
 Все, что взбредет в мятежный ум.
 («Совсем я выбился из мочи!..», 1863) [5, с. 375]

Несомненно образная перекличка всех трех «Бессонниц» (двух тютчевских и одной Вяземского). Мотивы покинутости, сиротства, неизбежного одиночества человека, молящего о любви и не получающего на свои чувства ответа, объединяет эти стихотворения. Однако если в «Бессоннице», написанной в 1820-е годы, Тютчев больше прислушивается к стенам времени, то в более поздней «Бессоннице» (1873) его занимает «жалкий стон» страдающего человека. Ночной порой «бьет» по сердцу Вяземского «однообразный ход часов», «бьет» в «недремлющие очи» Тютчева унылый свет негреющей луны. Но если Тютчев все еще взывает к жизни и любви, Вяземский уже тяготится и тем, и другим, он устал от жизни, устал бороться с недугами и несчастьями, поэтому «от смерти только смерти ждет». В гулкой пустоте ночной тишины человек тщетно ищет сочувствия. Не получая отклика своим чаяниям, он утрачивает веру: тусклыми и потерянными на фоне ночи смотрятся купола церквей. Ночью сердце человека чувствует себя «подкидышем», изнывает от тоски. Одиночество и беспомощность овладевают человеком и перед лицом смерти.

У Вяземского ночные страхи обусловлены в большей степени его личным нездоровьем, тогда как для Тютчева ночь – это разрушение дневной гармонии, обнажение истинной сути бытия, страшной и пугающей, один из центральных мифов его художественного мира.

В поэзии Тютчева и Вяземского есть близкие по тональности образы, которые воплощают в себе идеальную гармонию, помогающую преодолеть трагические размышления о бытии, о смерти. Таким образом явился Элизиум – образ царства мертвых, образ идеала, невозможного при жизни, но вполне вероятного после ее завершения. Для Вяземского там возможна встреча с ушедшими друзьями, а Тютчев делает Элизиум обозначением человеческой души («Душа моя – Элизиум теней...», 1831-1835). Только в Элизиуме возможно идеальное духовное существование поэта и милых священных призраков «минувших лучших дней», только в этом мире можно сокрыться от «бесчувственной толпы», суетного прозябания.

С течением лет Вяземский начал стремиться не к уходу в себя с целью внутреннего самоуглубления

и беседы с «призраками лучших дней», а к самозабвению, растворению в одухотворенном мире природы. Но если для Тютчева полное растворение своей индивидуальности в едином жизненном потоке, возвращение в лоно природы представляются естественными идеальным итогом земного пути человека, то Вяземский в отождествлении себя с миром природным зачастую не может избавиться от сознания собственной ущербности. Вяземский в поздней лирике вынужден причислить себя к растительному царству, потому что ослаблен нравственно и физически:

Нет, я растительного царства,
 Питаюсь теплым блеском дня;
 А жизни все ее мытарства
 Непроходимы для меня. (1876) [5, с. 413]

Созерцательно-пассивное, духовно-просветленное восприятие жизни для позднего Вяземского менее органично, чем для Тютчева.

Страшнее всего для Тютчева и Вяземского – омертвление души, затронувшее их своим холодным крылом.

Как ни тяжел последний час –
 Та непонятная для нас
 Истома смертного страдания, –
 Но для души еще страшней
 Следить, как вымирают в ней
 Все лучшие воспоминанья... [7, II, с. 202]

Вяземский сравнивает себя в одном из стихотворений с моллюском, приросшим к лагунам, «живым мертвецом», мечтает в отсутствии желанья «провести остаток дня». Тютчев мучается от бесплодных попыток «осознать себя», чувствует, как с каждым днем все сильнее «сохнет» его душа. Он боится утратить лучшие воспоминания, боится, что на смену живой тоске придет «тупая мука», поэтому призывает страдание, которое своим жгучим прикосновением освободит его от «духовного обморока», не даст заснуть его душе.

О, Господи, дай жгучего страдания
 И мертвенность души моей рассей –
 Ты взял Ее, но муку воспоминанья,
 Живую муку мне оставь по ней, - <...>

По ней, по ней, так до конца умевшей
 Страдать, молиться, верить и любить.
 («Есть и в моем страдальческом застое ...», 1865) [7, II, с. 167]

В лирической миниатюре Вяземского «Любить. Молиться. Петь» (1839) говорится об умении принимать выпавшие на долю человека страдания.

Кто чашу радости и горькой скорби чашу
 Благословлял всегда с любовью и мольбой
 И песни внутренней был арфою живой! [5, с. 468]

Это великий дар, когда человек видит в страданиях духовно-осмысленное явление, призыв к просветлению души, ведущий к совершенствованию. И.А Ильин писал: «Человек, которому послано страдание, должен чувствовать себя «не обреченным» и не «проклятым», а «вызванным», «посещенным»

и «призванным»: ему позволено страдать, дабы очиститься» [4, с.622].

Трагизм судеб высвечивает большую силу духа обоих поэтов, способных выстоять в мучительных борениях с веком, с самим собой, роковыми обстоятельствами, сохранив при этом верность нравственному идеалу.

Защиты и отдохновения оба поэта ищут в единении с природой. Вяземского и Тютчева роднит глубокое и сознательное убеждение в действительной, а не воображаемой только одушевленности природы. Красота для них – это не субъективная иллюзия, а истина, за достоверность которой ручается их собственное поэтическое чувство.

Отзыв сердца в природе не безответен, но нужен особый дар, чтобы услышать этот отклик. Не только лирические герои обзорают окружающий их мир, но и природа наблюдает за жизнью земли. Метафора звезды – очи, звезды – зеницы встречается и у Тютчева, и у Вяземского.

Тютчев:

Словно тяжкие ресницы
 Подымались над землею ...
 И сквозь беглые зарницы
 Чьи-то грозные зеницы
 Загорались порою...
 («Не остывшая от зноя ...», 1850-1851) [7, II, с. 51]

Вяземский:

Когда ж сиянья лунной ночи
 Сады и воздух осребрят
 И неба золотые очи
 На землю ласково глядят...
 («Как свеж, как изумрудно-мрачен...», 1865) [5, с. 333]

Поэты любят «тихую красой». «Сгорание дня» Вяземского созвучно тютчевским настроениям. Обоим поэтам влечет эстетика увядания, очарование увядающего в природе и человеческой жизни.

Как увядающее мило!
 Какая прелесть в нем для нас,
 Когда, что так цело и жило,
 Теперь немощно и хило,
 В последний улыбнется раз!..
 («Обвеян вещью дремотой...», 1850) [7, II, с. 43]

Мимолетность, скоротечность красоты заставляет глубже почувствовать ее прелесть, наполняет душу «сладкой грустью». У Тютчева вечер еще принадлежит дневной стихии, хотя приметы стихии ночной уже видимы: это и «зловещий блеск», и «багряные листья» – «предвестники последнего часа» природы.

Тютчев:

Есть в светлости осенних вечеров
 Умильная, таинственная прелесть!..
 Зловещий блеск и пестрота дерев,
 Багряных листьев томный, легкий шелест <...>
 Ущерб, изнеможенье – и на всем
 Та кроткая улыбка увяданья,
 Что в существе разумном мы зовем
 Божественной стыдливостью страдания.
 («Есть в светлости осенних вечеров...», 1830) [7, I, с. 189]

Вяземский:

В последнем зареве сгорающего дня
 Есть сладость тайная и прелесть для меня.
 (Сумерки, 1848) [5, с. 288]
 И тем дороже мне, чем ближе их утрата,
 Еще душестее цветки ее венка,
 И в светлом зареве прекрасного заката
 Сид угасающих и нега, и тоска.
 (Осень, 1874) [5, с. 405]

Природа даже умирает красиво, и в этом одно из многих ее преимуществ перед человеком. Тютчев оттого так восхищается в природе даже признаками увядания, что она для него ни умирает никогда – это смерть перед воскресением. Такова будет и доля человека, когда он по смерти сольется с миром природным: «И увядание земное / Цветов не тронет неземных...».

Не только «блаженство», «прелесть», «обаяние» Тютчев и Вяземский видят в явлениях природы, но и нечто высшее, божественное, святое.

Вяземский:

И словно к таинству природа приступила
 И ждет, чтобы зажглись небес паникадила.
 (Сумерки, 1848) [5, 288]
 И в это час, когда в тени немея,
 Все, притаясь, глубокий мир хранит
 И тихий ангел, крыльями чуть вея,
 Землей любуюсь, медленно парит.
 (Вечер, 1861) [5, с. 372]

Тютчев:

Святая ночь на небосклон взошла... (1849) [7, II, с. 35]

В горнем выпрленном пределе
 Звезды чистые горели,
 Отвечая смертным взглядам
 Непорочными лучами ...
 («Кончен пир, умолкли хоры ...», 1849-начало 1850) [7, II, с. 34]

Чаще всего голос природы в сумерках и в ночи – это голос муки, скорби, сетований, стенаний, рыданий, что указывает не только на ее одухотворенность, но и трагичность. Переживания природы созвучны психологическому настрою души человека, полной тревоги и пророческих предчувствий.

Тютчев:

О чем ты воешь, ветер ночной?
 О чем так сетуешь безумно?...
 Что значит странный голос твой,
 То глухо-жалобный, то шумно?
 («О чем ты воешь, ветер ночной?», 1831-1836) [7, I, с. 221]

Вяземский:

И слушал я, как плачет море,
 Чтоб словно выплакать все горе
 Из глубины груди своей.
 Не выразит язык земной
 Твоих рыдающих созвучий,
 Когда, о море, в тьме ночной
 Раздастся голос твой могучий!
 («Опять я слышу этот шум...», 1867) [5, с. 395]

«Вечер года» в природе падает на осень, пору увядания, преддверие мертвого зимнего сна. В стихотворении Вяземского «Осень 1830 года» небеса нарисованы враждебными человеку, более того – они коварны: «Не верьте небесам: им чувство доверялось, / Но сардонически и небо улыбалось». Люди – «доверчивые гости» на прощальном пиру осени. Вяземский предощущает всю горечь неоправданных надежд и говорит о том, что царство человека на земле – мнимое. Человек – часть природы, ее венец, но именно он один унижен и оскорблен, подвержен страданиям и беспомощен перед бедствиями. С горькой иронией называют Вяземский и Тютчев человека «царем земли».

Вяземский:

Но светлых сих полей владетель и прохожий,
 Земного царства царь в владении своем,
 Один под бич поник униженным челом,
 Один среди богатств цветущего наследства,
 Он предан на земле в добычу зла и бедства.
 (Осень 1830 года) [5, с. 235]

Тютчев:

С поляны коршун поднялся (...)
 Природа-мать ему дала
 Два мощных, два живых крыла –
 А я здесь в поте и в пыли,
 Я, царь земли, прирос к земле!..
 («С поляны коршун поднялся...», 1831-1836) [7, I, с. 233]

В «Осени 1830 года» внимание Вяземского сосредоточено прежде всего на человеке, который способен воспринять «божью благодать» внешнего мира, только если он ощущает благодать в своей душе, когда красота природы и внутреннее его состояние находятся в гармоничном соприкосновении. Если красота окружающего мира не предназначена для человека, то, стало быть, она неприятна, даже кощунственна. В этом стихотворении явственно ощутимы тютчевские мотивы: чудесный природный облик не что иное, как легкий покров, скрывающий истинную суть бытия. А эта истинная суть – смертность и конечность земной жизни. Однако Вяземский, в отличие от Тютчева, не мыслит природу без человека.

В «Mal'aria» (1830) Тютчев восторгается красотой природы, уже тронутый смертоносным дыханием мора, потому что свято верит в то, что природе принадлежит бессмертие. Он предощущает, что на исходе земного пути человек сольется с природой. Прекрасные картинки, рождающиеся в потухающем сознании человека, находящегося на пороге смерти, как бы призваны облегчить его переход в иное состояние. Тютчев благословляет смерть, приходящую под покровом прекрасных грез, прозревая в том не обман, а высшую благодать провидения.

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
 Благоухания, цвета и голоса,
 Предвестники для нас последнего часа
 И усладители последней нашей муки –
 И ими-то Судеб посланник роковой,

Когда сынов земли из жизни вызывает,
 Как тканью легкою свой образ прикрывает,
 Да утаит от них приход ужасный свой!.. [7, I, с. 186]

Вечер жизни Тютчева и Вяземского скрашивает посещение призрака с «страстной женскою душой», проливающего отраду в измученные сердца, согревающего душу, поддерживающего уходящие силы. Именно этот призрак рассеивает тени, обхватившие весь небосклон жизни поэтов, продлевает сияние их вечернего дня.

Вяземский:

Ты тихий сумрак мой, которым грудь свежее,
 Когда на западе заботливого дня
 Мой отдыхает ум, и сердце вечерее,
 И тени смертные снисходят на меня.
 («Ты светлая звезда ...», 1837) [5, с. 260]

Тютчев:

Крылом своим меня одень,
 Волненья сердца утиши,
 И благодатна будет тень
 Для очарованной души.
 («День вечерее, ночь близка...», 1851) [7, II, с. 67]

Как высшее воздание воспринимали поэты сочувственный отклик, видя в нем смысл и оправдание бытия.

Тютчев:

Когда сочувственно на наше слово
 Одна душа отозвалась –
 Не нужно нам возмездия иного,
 Довольно с нас, довольно с нас... (1866) [7, II, с. 172]

Вяземский:

Но все же, может быть, рожден я не напрасно;
 В семье людей не всем, быть может, я чужой,
 И хоть одна душа откликнулась согласно
 На улетающий минутный голос мой.
 («Игрок задорный ...», 1875) [5, с. 409]

Тютчев и Вяземский – ярчайшие индивидуальности, со своей интонацией, мировосприятием, чьи поэтические голоса и судьбы в какой-то момент необыкновенно сблизились, обнаружили духовное и душевное родство. Едва ли оправданно говорить об осознанном влиянии поэтов друг на друга, но несомненно присутствие общих черт в их творческом наследии, что побуждает литературоведческую науку к дальнейшему осмыслению их личностных и творческих взаимоотношений.

Список литературы:

1. Благый Д.Д. Тютчев и Вяземский // Благый Д.Д. От Кантемира до наших дней: В 2 т. – М.: Сов. писатель, 1979. – Т. 1. – С. 374 – 404.
2. Бондаренко В.В. Вяземский. – М.: Молодая гвардия, 2014.
3. Вяземский П.А. Письмо к Я. К. Гроту от 2/IV 1874 г. // Старина и Новизна. - Кн. XIX. – С. 11.
4. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. – С. 622.
5. Вяземский П.А. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1986.
6. Некрасов Н.А. Русские второстепенные поэты // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. – IX т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. – С. 190–221.
7. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений: В 2 т. – М.: Терра, 1997.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ**РУССКИЙ ЯЗЫК**

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.81.3.18-27

**САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ
ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)****Ким Светлана Федоровна***ст. преподаватель,
Самаркандский государственный университет,
Республика Узбекистан, г. Самарканд***Курбаниязова Динора Сапарбаевна***преподаватель,
Самаркандский государственный университет,
Республика Узбекистан, г. Самарканд
E-mail: Sveta.kim.1955@mail.ru***SELF-DEPENDENT WORK AS A FACTOR
OF INCREASING THE STUDENTS' GRAMMAR SPELLING
(FROM TEACHING EXPERIENCE)****Svetlana Kim***Senior Lecturer,
Samarkand State University,
the Republic of Uzbekistan, Samarkand***Dinora Kurbaniyazova***Lecturer,
Samarkand State University,
the Republic of Uzbekistan, Samarkand***АННОТАЦИЯ**

В статье рассматривается одна из форм работы по повышению орфографической грамотности студентов – это самостоятельная работа. Авторы предлагают систему заданий на стыке орфографии и грамматики, способствующих развитию в студентах самостоятельности – качество, необходимое каждому человеку в его практической и познавательной деятельности.

ABSTRACT

In the article one of the forms of work to improve the orthographical literacy of students – an independent work is considered. The authors propose a system of tasks at the intersection of orthography and grammar, contributing to the development of students' independence – a quality that is necessary for every person in his practical and cognitive activities.

Ключевые слова: орфограмма-буква, орфограмма-дефис, орфограмма-пробел, морфема, дифференциация, аналитическое списывание.

Keywords: orthogram-letter; orthogram-hyphen; orthogram-space; morpheme; differentiation; analytical copying.

Задача педвуза выпустить вполне грамотных учителей-словесников продолжает оставаться нелёгкой. Первый диктант, который обычно проводится для ознакомления с состоянием грамотности студентов, показывает, что их орфографические навыки неустойчивы. Это вызывает необходимость вести систематическую работу, направленную на формирование у студентов орфографических навыков и умений.

Практика показывает, что формы работы со студентами по искоренению ошибок имеют свои особенности. Учитывая возраст и развитие студентов, а также возможности опираться на их умение самостоятельно работать, преподаватель может избрать соответствующие приёмы и формы закрепления навыков правильной письменной речи.

В предлагаемой статье мы остановимся, на наш взгляд, на одной из самых эффективных форм работы по повышению орфографической грамотности студентов – это самостоятельная работа.

Как известно, под самостоятельной работой понимается вид учебной деятельности, в процессе которого студенты без непосредственного участия преподавателя выполняют индивидуальные и групповые задания, в связи с чем самостоятельная работа может быть аудиторной или внеаудиторной.

На наш взгляд, один из важных факторов в самостоятельной работе – это её правильная организация. На занятиях по дисциплинам «Нормативная грамматика», «Морфология», «Синтаксис», «Стилистика» и др., соприкасающиеся в определенной степени с разделом орфографии, мы предлагаем организовать эту работу таким образом, чтобы научить студентов: 1) обращаться к справочной литературе (имеется в виду орфографический словарь и другие справочники) [1]; 2) исправлять ошибки, объясняя их; 3) вести работу по предупреждению ошибок.

На занятиях преподаватель должен стремиться убедить студентов в том, что главное в совершенствовании орфографических умений и навыков – это их систематическая самостоятельная работа, направленная на устранение имеющихся пробелов в знаниях по орфографии, а также своевременное предупреждение возникновения этих пробелов.

Анализируя текст, например, контрольного или объяснительного диктанта, студент должен уметь находить и дифференцировать орфограммы в словах, аргументируя их написание. К сожалению, умение обращать внимание на орфографическую сторону текста не всеми студентами усваивается сразу. Иногда требуется большое количество специальных заданий, вырабатывающих орфографическую зоркость.

Мы предлагаем следующие виды самостоятельной работы с использованием *таблиц и алгоритмов по русской орфографии, подготовленных в ходе занятий в студенческой аудитории*, регулярное, целенаправленное проведение которых позволят, на наш взгляд, повысить орфографическую грамотность студентов:

1. орфографические пятиминутки. Письменные работы студентов – домашние, периодически проводимые различные виды диктантов – орфографические,

объяснительные, с последующими грамматическими заданиями, творческие и др. – позволят определить, на какие правила больше всего допускаются орфографические ошибки. На каждом занятии в течение десяти минут проводится один из видов диктантов: словарный, орфографический, выборочный, объяснительный или работа по карточкам. Работу можно продолжить на дополнительных внеаудиторных занятиях или консультациях;

2. работа над ошибками. Этому виду работы следует уделить особое внимание, так как именно в данном процессе формируются орфографические умения, а затем навыки грамотного письма в целом. С данной формой работы преподаватель знакомит студентов после проведения первого диктанта. На следующем занятии, на котором демонстрируется подготовленная преподавателем по данным первого диктанта нового студенческого набора таблица классификации орфографических и пунктуационных ошибок, отражающая уровень орфографической и пунктуационной грамотности студентов-первокурсников.

Работа над орфографическими ошибками предусматривает выполнение анализа ошибок по определенному плану-схеме, включающему ряд операций – определение 1) **типа орфограммы** (орфограмма-буква, орфограмма-дефис или орфограмма-пробел?); 2) **морфемы**, в которой находится орфограмма (префикс, корень, суффикс или флексия?); 3) **вида орфограммы** (например, орфограмма безударная гласная в корне слова или орфограмма з / с на конце приставки); 4) **правила**, на основе которого пишется данная орфограмма-буква, -пробел или -дефис.

Орфографический анализ предусматривает также графическое обозначение орфограммы, морфемы в слове, подбор проверочного слова или формы данного слова, если можно проверить это написание. Если написание не проверяется, то следует графически показать условия выбора соответствующего написания. При выполнении работы над ошибками студенты обязательно должны не только аргументировать написание слова, основанное на определенном правиле, но и, кроме того, закрепить это правило путем подбора ряда идентичных написаний слов на это же правило.

На первых порах работа над ошибками требует подробных консультаций преподавателя. В дальнейшем студенты работают над допущенными ошибками самостоятельно, причём каждый работает только над своими ошибками. Ведётся тетрадь учёта и классификации ошибок, время от времени тетради учёта ошибок проверяются и оцениваются преподавателем. Работа над ошибками – один из эффективных факторов повышения грамотности студентов;

3. орфографический анализ в письменной и устной форме. Студентам даются слова или текст для самостоятельного орфографического разбора, включающего: а) объяснение правописания слова; б) определение правила.

Задания по данному виду работы могут быть самые разнообразные: **1.** вставьте пропущенные буквы в данных словах; **2.** распределите данные слова в

зависимости от типа орфограммы; **3.** найдите слитные, дефисные и раздельные написания слов; **4.** выпишите слова с безударными окончаниями; **5.** подберите к указанным словам слова (не менее 5 – 6 слов той же части речи), написание которых требует применения одного общего правила; **6.** в данном тексте найдите слова разных частей речи с **н** и **nn** и сгруппируйте их в зависимости от написания и т.д. Следует обратить особое внимание на комментирование студентами выполненных заданий. Для этого необходимо, чтобы студенты отвечали по заранее подготовленному преподавателем плану-схеме анализа, о котором говорилось выше.

Продemonстрируем орфографический анализ по указанному выше плану-схеме на примере слов с орфограммой **н** и **nn** *подаре...ый* и *даре...ый*.

В первом слове находится орфограмма – буква, требующая при написании применение соответствующего правила: **1)** тип орфограммы – **буква**; **2)** находится в суффиксе **-enn-**; **3)** орфограмма называется **-н-** или **-nn-** в **отглагольных** прилагательных; **4)** *подаренный* пишется с **двумя н**, так как правило гласит: если прилагательное образовано от глагола совершенного вида, оно пишется с **двумя н**: *подарить* – совершенного вида.

По тому же плану-схеме объясняем правописание второго слова. Ответ на **первый** и **третий** вопросы аналогичные; на **второй** – находится в суффиксе **-en-**; на **четвертый** – иной: *дареный* пишется с одним **н** в суффиксе **-en-**, так как образовано от глагола *дарить* – несовершенного вида.

АЛГОРИТМЫ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ Н/НН В ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕНАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ПРИЧАСТИЯХ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ Н / НН В ОТВЕРБАЛЬНЫХ И ОТСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Определите:

Исключение:

- названный
- посажённый
- приданое
- кованный
- жеванный
- клеваный
- раненый
- смышлёный

- Нежданый
- негаданный
- неслыханный
- невиданный
- желанный
- жеманый
- медленный
- ставленный
- чванный
- чеканный
- недреманный
- деланный
- священный
- нечаянный

Исключение:

деревянный,
оловянный,
стеклянный

свиной

ветреный

ОПРЕДЕЛЕНИЕ Н/НН В ОТСУБСТАНТИВНЫХ И ОТВЕРБАЛЬНЫХ ИМЕНАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Определите:

1. часть речи, которая мотивирует данное прилагательное

2. букву, стоящую в конце производящей основы прилагательного

3. какого вида глагол?

4. суффикс, который стоит на конце производной основы

5. сколько н будет писаться в прилагательном?

Вывод:

НАПРИМЕР:

коренной = (ко|рень)+|-н-|(ой)| *глиняный* = (гли|на)+|-ян-|(ый)| *торжественный* = (тор|же|ство)+|-енн-(ый)|
начитанный = (на|чи|тать)+|-нн-(ый)| *солёный* = (со|лить)+|-ен-|(ый)|

4. аналитическое списывание. Это списывание с комментарием, предусматривающее включение обязательного орфографического задания. Например:
1. В данном тексте выделите все орфограммы – гласные и согласные в разных морфемах, входящих в состав основы; 2. установите правила их написания; 3. на полях запишите, если возможно, проверочные слова; слова с непроверяемыми орфограммами проверьте по словарю; 4. если написание зависит от определенных условий, показать их в слове графически и т.д.

Подобная выполненная работа будет выглядеть таким образом:

1. На бере́гу пусты́нных волн
Сто́ял он, дум ве́ликих полн,
И вдале́к гляде́л. Пред ним ши́роко
Река́ неслáся; бедный че́лн
По ней стре́мился одино́ко.
По мши́стым, топким берега́м
Черне́ли избы здесь и там,
Приют убо́гого чухонца;
И лес, неведо́мый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел (Пушкин. Медный всадник).

2.3. В тексте наблюдаются слова, написание которых требует применение следующих правил:
1) правописание безударных гласных в корне слова:

бе́рег, побе́рёжье, сто́й, взгля́д, не́с; ре́ки; 2) правописание **н / нн** в отыменных прилагательных: **пусты́н-я + -н- (-ый) → пусты́нный**; 3) правописание **н / нн** в отглагольных прилагательных: спрята́-ть + -нн- (-ый) → **спрята́нный**; 3) правописание непроверяемых гласных в корне слова:

стре́миться; 4) гласные **и, у, а** после шипящих: мши́стый, чухоне́ц, луча́м, шу́меть; 5) гласные **о и е** после шипящих в корне: че́лн – че́лны, че́рнели – че́рный; 6) **не** с прилагательными: **не́ведомый** = таинственный, загадочный, закрытый; 7) правописание непроизносимых согласных в корне слова: со́лнце – со́лнечный;

БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ, ПРОВЕРЯЕМЫЕ УДАРЕНИЕМ, НЕ ПРОВЕРЯЕМЫЕ УДАРЕНИЕМ, ЧЕРЕДУЮЩИЕСЯ

1. Найти корень слова

2. Выяснить тип безударной гласной в корне:

непроверяемая	проверяемая	чередующаяся
Вывод: посмотри в словаре интерес, деталь, инженер	Вывод: проверь ударением обье́дине́ние – еди́ный сознава́ть – зна́ть потре́сение – потре́с	а) выясни способ проверки; б) проверь наличие необходимых признаков; в) сделай вывод о написании

ПРАВОПИСАНИЕ «О» - «Ё» ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ И «Ц» ПОД УДАРЕНИЕМ

1. В какой части слова ударный гласный после шипящего?

в корне	в окончании	в суффиксе									
«ё», если чередуются с «е» и перемещается ударение	2. Определи часть речи <table> <tr> <td>сущ.</td><td>прил.</td><td>нар.</td></tr> <tr> <td>О</td><td>О</td><td>О</td></tr> <tr> <td></td><td></td><td>искл. еще</td></tr> </table>	сущ.	прил.	нар.	О	О	О			искл. еще	глагол, <u>включая причастие</u> Е (всегда)
сущ.	прил.	нар.									
О	О	О									
		искл. еще									

Запомни: ожо́г, поджо́г, изжо́га (сущ.), но: оже́г, подже́г (гл.)

5. *запись выученного наизусть.* Опыт показывает, что это ценный метод, способствующий развитию зрительной орфографической памяти. На аудиторном или внеаудиторном занятии студенты пишут по памяти выученные цитаты, афоризмы, стихотворный или прозаический текст. При этом преподаватель предупреждает, что за допущенные ошибки оценка снижается. Далее преподаватель даёт задание, например, назовите слова с **е** и **о** после шипящих в разных морфемах слов разных частей речи и аргументируйте их написание;

6. *работа по тексту (лингвистический, художественный, публицистический, официально-деловой)*

должна быть также направлена на повышение орфографической грамотности студентов. Предлагается обучающимся орфографические задания на стыке с теоретическими вопросами грамматики, используя алгоритмы и таблицы, как, например, а) **подчёркивание** безударных гласных **е / и** в окончаниях глаголов и имен существительных на одной или двух страницах с последующим комментированием их написания (например, указать на полях склонение и падеж, если орфограмма в окончании существительного; спряжение, если орфограмма в окончании глагола и т.д.);

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛА

1. Укажи ударение. Если окончание ударное, то

-ешь, -ет

-ишь, -ит

-ут (-ют) - I спряжение;

-ат (-ят) - II спряжение.

2. Если окончание безударное, определи вид глагола.
3. Поставь глагол в неопределенную форму (сохраняя вид).
4. Посмотри на суффиксы: если глаголы на -ить, то он II спряжения.
5. Если глагол не на -ить, вспомни 11 глаголов II спряжения (исключения).
6. Если данного глагола в числе 11-ти нет, то он I спряжения.

ПРАВОПИСАНИЕ ГЛАСНЫХ Е – И В ОКОНЧАНИЯХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

I скл., Д.п. (дать кому? чему?), П.п. (думать о ком? о чем?) II скл. П.п.: по дороге (I скл., Д.п.); о дороге (I скл., П.п.); в учебнике (II скл., П.п.)	I скл., Р.п. (нет кого? чего?) I скл. на -ия Р.п., Д.п., П.п. II скл. на -ий, -ие П.п. Разносклоняемые сущ. на -мя Р.п., Д.п., П.п.: у дороги (I скл., Р.п.); в армии (I скл., П.п.); у армии (I скл., Р.п.); к армии (I скл., Д.п.); в санатории (II скл., П.п.); в здании (II скл., П.п.); к знамени (Д.п.); у знамени (Р.п.)
--	--

б) комментирование слитного и раздельного написания **не** и **ни** с разными частями речи; **в) определение** что-союза и что-союзного слова; **г) дифференциация** употребления частиц **не** и **ни** в придаточной части сложноподчиненного предложения; **д) дифференциация** написаний отыменных и отглагольных

прилагательных и причастий с **не**; **е) разграничение** написаний косвенных падежных форм именных частей речи и производных от них наречий; **ж) дифференциация** наречий и существительных на **-о**; **з) выделение** наречий, правописание которых требует применение правил и т. д. [2].

РАЗГРАНИЧЕНИЕ НАРЕЧИЙ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1. На какой вопрос отвечает данное слово?

На синтаксический (смысловой) вопрос
когда? как? где? и др.

На морфологический вопрос
(вопрос косвенного падежа)

2. Какую синтаксическую функцию выполняет данное слово?

Обстоятельство

Дополнение

3. Каков тип подчинительной связи данного слова с глаголом -сказуемым?

Примыкание

Управление

4. Есть (или нет) зависимые слова у данного слова?

Наречие
Вечером синим, вечером лунным
 Был я когда-то красивым и юным.

Вывод:

Имя существительное
 Я была довольна сегодняшним вечером.
 Я наслаждаюсь вечером синим.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СЛОВ НА -О
К ОДНОЙ ИЗ ТРЕХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Установите:

1. семантику слова на -о

2. позицию в предложении – зависимая/независимая

3. тип связи

4. способность управлять дательным субъекта

5. синтаксическую функцию

Вывод:

Примеры:

Течение реки <u>было тихо</u> . Выражение лица ее <u>спокойно</u> .	... дерево роняет <u>тихо</u> листья... Внешне она выглядела <u>спокойно</u> .	Вокруг нашего дома <u>было тихо</u> . Как <u>спокойно</u> у вас дома!
--	---	--

ПРАВОПИСАНИЕ НАРЕЧИЙ

Наречия пишутся:		
Слитно	Раздельно	Через дефис
1. Если образованы от прилагательных 2. Если образованы от наречий 3. Если являются наречиями места	1. Если образованы от существительных с предлогами 2. Если это «бывшие» существительные на гласную 3. Если есть 2—3 падежные формы 4. Если являются наречиями образа действия	1. Во-первых... 2. Если образованы по схеме по ... ому -ему -ски -цки 3. При повторе слов или основ слов

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЧТО – СОЮЗА И ЧТО – СОЮЗНОГО СЛОВА

1) И, наконец, я узнал Казбича, только не мог разобрать, **что** такое он держал перед собой («Герой нашего времени»);

2) Бог один знает, **что** тогда происходило в груди горбача... («Вадим»).

1) Я понял, **что** гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно («Герой нашего времени»);

2) Помню только, **что** под конец нашего разговора он оскорбил меня ужасным словом и вышел («Герой нашего времени»).

Завершая нашу статью, следует сказать: орфографические умения и навыки, формирующиеся у студентов в процессе выполнения предлагаемых заданий на стыке орфографии и грамматики, развивают

в них самостоятельность как черту личности – качество, необходимое каждому человеку в его практической и познавательной деятельности.

Примечание. В статье не представляется возможным показать все разработанные в процессе работы над повышением грамотности студентов таблицы и алгоритмы. Они послужат материалом описания другой статьи.

Список литературы:

1. Баранов М.Т. и др. Русский язык. Справочные материалы. – М., 1989. Бельчиков Ю.А., Понюшева М.С. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник. – М., 1968. Кайдалова А.И., Калинина И.К. Современная русская орфография. – М., 1983.
2. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Орфография и пунктуация. Правила и упражнения. – М., 1970.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1990.
4. Орфографический словарь русского языка. Под ред. Бархударова С.Г., Протченко И.Ф. Скворцова Л.И. – М., 1979, 1988.
5. Русский орфографический словарь около 200 000 слов. Под ред. Лопатина В.В. и Ивановой О.Е. – М., 2012.
6. Чешко Л.А. Русский язык – М., 1981.

СТРУКТУРНО - СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА

Ким Светлана Федоровна

ст. преподаватель,
Самаркандский государственный университет,
Республика Узбекистан, г. Самарканд

STRUCTURAL - SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF INFINITIVE SENTENCES IN THE WORKS OF S. ESENIN

Svetlana Kim

Senior Lecturer,
Samarkand State University,
the Republic of Uzbekistan, Samarkand

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена инфинитивным предложениям, являющимся ярким выразительным средством русского языка. В центре статьи – структурно-семантические и стилистические особенности разновидностей данных предложений, выявленных в произведениях С. Есенина: вопросительные, оптативные, повествовательные, побудительные и инфинитивные предложения в составе сложных предложений.

ABSTRACT

The article is devoted to infinitive sentences, which are the bright device of Russian language. There is the structural-semantic and stylistic analysis of variety of these sentences: interrogative, optative, exclamatory and infinitive sentences in the complex sentences, found in the works of S. Eсенин in the centre of the article.

Ключевые слова: инфинитивный, оптативный, сложноподчиненное предложение, категория времени, модальность, риторический вопрос.

Keywords: infinitive, optative, complex sentences, category of time, modality, rhetoric question.

Односоставные предложения являются ярким выразительным средством русского языка. Часто они выступают как синтаксические синонимы двусоставных предложений, отличаясь от них нередко большей степенью эмоциональности, экспрессивности, а также сферой употребления.

В настоящей статье наше внимание обращено на инфинитивные предложения в стихотворениях С. Есенина [5]. Какие же особенности – как структурные, семантические, так и стилистические – можно выделить в инфинитивных предложениях С. Есенина?

Инфинитивные предложения являются объектом исследования многих ученых. Их взгляды относительно статуса данных предложений неоднозначны: одни ученые (Тимофеев К.А., Пешковский А.М., Гвоздев А.Н., Скобликова Е.С. и др.) [13, 262, 105; 381; 79; 123] считали инфинитивные предложения самостоятельным типом односоставных предложений; другие (Шахматов А.А., Галкина-Федорук Е.М., Руднев А.Г. и др.) [14, 82; 104 – 105; 15; 37] – разновидностью безличных предложений.

В научных исследованиях по лингвистике (русской и др.) последних десятилетий вопрос относительно инфинитивных предложений в художественном тексте не поднимается. Ученые-грамматисты исследуют глагольные инфинитивные формы в иных аспектах: транспозиционном, синкретичном, функционально-синтаксическом (на уровне второстепенных членов предложения) [8, 189; 161; 211; 148].

Вслед за проф. К.А. Тимофеевым мы рассматриваем инфинитивные предложения как самостоятельный тип односоставных предложений, характеризующийся специфическими признаками: с точки зрения структуры, грамматическая основа представлена в форме независимого инфинитива: *Лицом к лицу Лица не увидеть...* (С. Есенин) или сочетанием глагола *быть* с именем: *Не всем казакам в атаманах быть* (посл.); *Быть грозе великой* (А. Пушкин); с точки зрения семантики, действие в них не соотносится с деятелем, оно не протекает во времени, а лишь названо и представляется как желательное, возможное, невозможное, неизбежное и должное.

Модальность выражается также специфически: частица **бы** при инфинитиве – показатель ирреальной модальности: *Мне бы только смотреть на тебя, Видеть глаз злато-карий омут...* («Любовь хулигана»); *Теперь бы брызнуть в небо, Вишневым соком стих, За отческую щедрость, Наставников твоих* («Песни, песни, о чем вы кричите») и др.

Инфинитив без частицы **бы** – показатель реальной модальности: *Скоро мне без листвы холодет, Звоном звезд насытая уши...* («Трежданница»); *Тебе о солнце не пропеть, В окошко не увидеть рая...* («Трежданница») и др.

В стихотворениях С. Есенина инфинитивные предложения составляют значительный пласт. Они наблюдаются как в структуре простых предложений,

так и сложных, в частности, в сложноподчиненных предложениях: *Снежная белая Гладь. Нечего мне вспоминать* («Поэма о 36»); *Я не скоро, не скоро вернусь! Долго неть и звенеть пурге* («Трерядница»); *За один удел, Бьется эта рать, Чтоб владеть землей, Да весь век пахать* («Песнь о великом походе»); *Если душу вылюбят до дна, Сердце станет глыбой золотою* («Персидские мотивы») и мн. др.

Выявлено свыше 200 инфинитивных предложений, различных как по структуре и семантике, так и коммуникативному назначению.

Структурно-семантический и стилистический анализ материала позволил выделить пять разновидностей инфинитивных предложений:

I. вопросительно-инфинитивные (35 ед.): *Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник – Пройдет, зайдет и вновь оставит дом* («Рябиновый костер»); *Не пора ли тебе, Емельян, сложить Перед властью мятежную голову!?* («Пугачев») и мн. др.;

II. оптативно-инфинитивные (41 ед.): *Теперь бы брызнуть в небо Вишневым соком стих За отческую щедрость Наставников твоих* («Инония»); *Предрассветное. Синее. Раннее... Загадать бы такое желание, Да не знаю, чего пожелать* («Листья падают, листья падают») и мн. др.;

III. повествовательно-инфинитивные (68 ед.): *Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть тебе никогда!* («Низкий дом с голубыми ставнями»); *Гой ты, Русь, моя родная... Не видать конца и края – Только синь сосёт глаза* («Радунца») и мн. др.;

IV. побудительно-инфинитивные (35 ед.): *Смело ж к Каспию! Смело за мной! Эй вы, сотники, слушать команду!* («Песнь о великом походе»); *Славь мой стих, кто ревет и бесится, Кто хоронит тоску в плече, Лошадиную морду месяца Схватить за узду лучей!* («Трерядница») и мн. др.;

V. инфинитивные предложения в составе СПП (66 ед.): *Если тронуть страсти в человеке, То, конечно, правды не найдешь* («Стихи последних лет»); *Я по-прежнему такой же нежный И мечтаю только лишь о том, Чтоб скорее от тоски мятежной Воротиться в низенький наш дом* («Письмо матери») и мн. др..

Инфинитивные предложения – одно из синтаксических средств выражения модальных значений, и эта модальность выражается «самой формой инфинитива и интонацией, а усиливается и дифференцируется частицами» [1, с. 405].

I. Вопросительно-инфинитивные предложения

В стихотворениях С. Есенина следует выделить два типа вопросительных предложений: 1-й тип – собственно-вопросительно-инфинитивные с вопросительными словами-местоимениями и без них; 2-й тип – инфинитивные риторические вопросы.

В собственно-вопросительно-инфинитивных предложениях выражается принципиальная возможность или невозможность действия: *Кого позвать мне? С кем мне поделиться? Той грустной радостью, что я остался жив?* («Страна Советская»); *Чего же мне Еще теперь придумать, О чем теперь Еще мне написать?..* («Письмо матери»); ... *О, какими, какими метлами Это солнце с небес стряхнуть?*

(«Трерядница»); ... *как мне жизнь прожить: Договорить ли в ласках милой Шаги Иль под старость трепетно тужить О прошедшей песенной отваге?* («Персидские мотивы») и мн. др.

Рассматриваемые предложения служат средством описания размышлений, чувств, эмоций поэта, его душевного состояния, переживаний, противоречий...

Инфинитивные предложения второго типа – риторические вопросы – употребляются обычно, когда говорящий знает о фактическом отсутствии условий для осуществления действия. В таких случаях вопрос говорящего приобретает отрицательный или утвердительный смысл.

В стихотворениях С. Есенина риторические вопросы встречаются довольно часто, и все они наблюдаются в авторской речи.

Риторические вопросы с утвердительным значением наблюдаются в стихах: *Черная, потом пропахшая выть! Как мне тебя не ласкать, не любить?* («Радунца»); *Как не плакаться Тут над Русью? Не тужить тут как Над судьбиною?* («Песнь о великом походе»); *Ну как тут в сердце гимн не высечь, Не впасть как в дрожь? Гуляли, пели сорок тысяч И пили тож («1 мая»); Ищут хлеба они, Просят милости. Ну как же злобной воле Тут не вырасти?* («Песнь о великом походе») и мн. др.

Данные предложения объединяются одним общим модальным значением – значением долженствования – и соотносятся по семантике:

1) с безличными предложениями с модальным словом **надо, нужно, глаголом следует** (срвн.: *мне надо тебя ласкать, любить...; нужно (надо) плакать тут над Русью...; следует тужить ... над судьбиною...; надо высечь...; надо впасть...; злобе надо ... тут вырасти...;*

2) с двусоставными со словом **должен** в составе сказуемого (срвн.: *я должен тебя ласкать, любить...; должен плакать, тужить...; должен высечь, впасть...; злобная воля должна тут вырасти).*

Риторические вопросы с отрицательным значением – значением невозможности – мы наблюдаем: *Суровые, грозные годы! Но разве ж всего описать?* («Анна Снегина»); *Я уходящих в грусти не виню, Нугде же старикам за юношами гнаться?* («Страна Советская») и мн. др.

Следует отметить близость подобных инфинитивных риторических вопросов с безличными предложениями: в них возможна подстановка модальных слов **можно, возможно, нельзя, надо** (срвн.: *Всего невозможно (нельзя) описать; невозможно (нельзя) старикам за юношами гнаться...).*

Как видно, вопросительно-инфинитивные предложения эмоционально насыщены, весьма экспрессивны и лаконичны.

II. Оптативно-инфинитивные предложения

В предложениях данной разновидности говорящий выражает желательность или нежелательность действия, опасение по поводу его совершения или предостережение, неосуществленное действие. Грамматический показатель данных предложений – частица **бы**: *Мне бы только смотреть на тебя.*

Видеть глаз злато-карий омут («Любовь хулигана»); *Предрассветное. Синее. Раннее... Загадать бы* такое желание, Да не знаю, чего пожелать («Листья падают, листья падают»); *Теперь бы брызнуть* в небо Вишневым соком стих За отческую щедрость Наставников твоих («О муза, друг мой гибкий»); Я б навеки забыл кабаки. И стихи бы писать забросил, Только б тонко *касаться* руки. И волос твоих цветом в осень («Любовь хулигана»); Какой он клён? Он просто столб позорный. На нем *бы вешать* Иль *отдать* на слом («Метель») и мн. др.

Рассмотренные инфинитивные предложения соотносятся с двусоставными (срвн.: *Я хотел бы только смотреть* на тебя... *Видеть* глаз злато-карий омут...; *Я хотел бы загадать* такое желание... *Я хотел бы брызнуть* в небо... *Я хотел бы касаться* руки...).

Подобные предложения наблюдаются в авторской речи. В них выражаются тяжелые размышления, грустные мечты, эмоциональные порывы поэта.

III. Повествовательно-инфинитивные предложения

Данный тип предложения по частотности употребления занимает первое место. По характеру предикативных отношений и модальности они отрицательного содержания и выражают модальные значения, преимущественно значения невозможности, необходимости, неизбежности действия.

В их составе наблюдаются местоименные отрицательные слова: *некуда, нечего, негде, незачем* и им подобные. Данные предложения соотносятся с вопросительно-инфинитивными предложениями и служат отрицательным ответом на соответствующий вопрос: *Снежная белая Гладь. Нечего мне вспоминать* (срвн.: = *Что же мне вспоминать?*) («Поэма о Зб»); *Теперь и богу негде помолиться* (срвн.: = *Теперь где же богу помолиться..?*) («Страна Советская»); ...*Никуда* вам *не скраться* от гибели, *Никуда не уйти* от врага (срвн.: = *Куда же вам скраться от гибели? Куда уйти от врага?*) («Сорокоуст»); *И никуда ей, траве, не скраться* От горячих зубов косы... (срвн.: = *Куда ей, траве, скраться?*) («Пугачев») и мн. др.

Как видно из предложений, в них констатируется невозможность действия в связи с отсутствием каких-либо условий.

Повествовательно-инфинитивные предложения без отрицательных местоименных слов также выражают невозможность действия с оттенком неизбежности, неотвратимости: *Лицом к лицу Лица не увидеть. Большое видится на расстоянии* («Письмо к женщине»); *Этой грусти теперь не рассыпать* Звонким смехом далеких лет («Этой грусти теперь не рассыпать»); *Прядите, дни, свою былую пряжу, Живой души не перестроить* ввек («Метель»); *Им не узнать* меня, – *Я им прохожий* («Мой путь»); *Ах, не выйти замуж* девушке весной, *Запугал её* приметам лесной («Маковые побаски»); *Под брюхом жеребенка В глухую ночь не спать* И радостию звонкой Лесов *не оглашать* («Голубень») и мн. др.

Утвердительные инфинитивные предложения занимают скромное место. Их основное модальное

значение – значение неизбежности, бесполезности действия: *Скоро мне без листвы холодет*, *Звоном звезд насытая уши* («Трерядница»); *Будет крыть нас плет*, *Будет крыть нас кнут*, *Всем весь век тогда В нищете корпеть* («Песнь о великом походе»); *Не слышно собачьего лая. Здесь нечего, видно, стеречь* ... («Анна Снегина») и мн. др.

В составе предложений данного типа может наблюдаться дательный субъекта. Такие инфинитивные предложения соотносятся по семантике с двусоставными: *Плевать мне* на всю вселенную, *Если завтра не будет меня* (срвн.: *Я плюю* на всю вселенную...) («Пугачев»); *Я не скоро, не скоро вернусь! Долго петь и звенеть пурге*, (срвн.: *Пурга будет долго петь и звенеть...*) («Трерядница»); ...*Ну, да что же? Ведь нам не впервые И расшатываться, и пропадать*, (срвн.: *Мы не впервые расшатываемся и пропадаем...*) («Москва Кабацкая») и мн. др.

IV. Побудительно-инфинитивные предложения

Инфинитивные предложения данной разновидности встречаются как в речи автора, так и в речи героев, что обусловлено их функцией и специфической семантикой – выражать различную модальную оценку действия, и характеризуются особой интонацией – интонацией побуждения к действию, приказа: *Смело же к Касию! Смело за мной! Эй вы, сотники, слушать команду!* («Пугачев»); ...*Лошадину морду месяца Схватить* за узду лучей! («Пантократор»); *Повесить его – и basta!* («Пугачев»); *Эта измена! Связать его! Связать! Довольно гнить и ноять, И славить взлетом гнусь* ... («Златой посев») и мн. др.

Как подтверждает рассмотренный материал, побудительно-инфинитивные предложения характеризуются емкой семантикой, экспрессивностью и лаконичностью.

V. Инфинитивные предложения в составе сложноподчиненных предложений

Данные сложные предложения встречаются в стихотворениях С. Есенина довольно часто. Придаточные части в них весьма разнообразны по семантике. Они выражают: **условие**: (*Если тронуть страсти в человеке*), *То, конечно, правды не найдешь*. («Кто я, что я?»); (*Если душу вылюбить до дна*), *Сердце станет глыбой золотой...* («Руки милой – пара лебедей»); ... *Я рад и охоте, (Коль нечем развеять тоску и сон)* («Анна Снегина»); *Быть поэтом – это значит то же, (Если правды жизни не нарушить)*, *Рубцевать* себя по нежной коже, *Кровью чувств ласкать чужие души* («Персидские мотивы»); значение **объекта**: *Я спросил сегодня у менялы...*, (*Как сказать мне для прекрасной Лалы Поперсидски нежное «люблю»?*) («Я спросил сегодня у менялы»); *Я ... мечтаю только лишь о том, (Чтоб скорее от тоски мятежной Воротиться в низенький наш дом)* («Письмо матери»); **сравнение, сопоставление**: ... *И мне (чем сгнивать на ветках) Уж лучше сгореть на ветру* («Заря окликает другую»); **цель**: *А если я помру? Ты сядешь или нет в вагон, (Чтобы присутствовать на свадьбе похорон?)* («Письмо деду»); *Вас испугал могильщик, Который... варит из медных монет щи, (Чтоб похлебать*

в черный срок) («Пугачев»); По вечерам, Надвинув ниже кепи, (Чтобы **не выдать** холода очей), Хожу смотреть я Скошенные степи... («Мой путь»); Давай, Сергей, за книгу Тихо сядем, (Чтоб **разгадать** премудрость скучных строк) («Стансы»); И вот запрягли нам клячу В оглоблях мосластая икеть – Таких отдают с придачей, (Чтоб только самим **не иметь**) («Анна Снегина»); И (чтоб **избежать** напасти), Излишек нам был без тягот... («Анна Снегина»); Лугом пройдешь, как садом, ...Ты не удержишься взглядом, (Чтоб **не припасть** к гвоздикам) («Персидские мотивы»); **причина:** Сердцу надо в пурге **расколоться**, (Оттого что без Хлопуши Вам **не взять** Оренбург Даже с сотов лихих полководцев) («Пугачев») и мн. др.

В данных предложениях указываются действия не реальные, а лишь желаемые. Они (эти предложения) встречаются как в речи поэта, так и его героев.

Рассмотренные в статье инфинитивные предложения, выявленные в стихотворениях С. Есенина, свидетельствуют: экспрессивно-стилистические свойства данных предложений определяются значением самих предложений – значением возможности или невозможности действия; неотвратимости; желательности; приказа, выраженным в категорической форме; они весьма экспрессивны, эмоционально насыщены, имеют окраску разговорного стиля; при сопоставлении с двусоставными инфинитивные предложения более лаконичны, энергичны, динамичны, им свойственна непринужденность высказывания; данный тип односоставных предложений используется в стихотворениях С. Есенина во всем многообразии смысловых функционально-стилистических и эмоционально-экспрессивных оттенков, передать которые посредством двусоставных предложений не представляется возможным.

Список литературы:

1. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. – М., 1955.
2. Воинова Е.И. О соотношении инфинитивных и безличных предложений // РЯШ. – 1958. – № 2.
3. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958.
4. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Часть II. – М., 1958.
5. Есенин С. Сборники стихотворений «Москва кабацкая», «Любовь хулигана», «Златой посев», «Голубень», «Радуница», «Трерядница», «Страна Советская», стихотворения последних лет. «Персидские мотивы», «Стансы». Поэмы «Анна Снегина», «Пугачев», «Поэма о 36», «Песнь о великом походе». – М., 1976.
6. Куклина А.В. Синтаксические функции инфинитива в составе глагольных инфинитивных конструкций в английском языке // Вестник Самарского гос. ун-та. – Вып. №10. – 2006.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.
8. Руделев В.Г. Начальная форма глагола // Вестник Тамбовского гос. ун-та. – Вып. №6. – 2010.
9. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. – М., 1968.
10. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. – М., 1976.
11. Сметанина О.А. Синкретизм значений инфинитивных структур в немецком языке // Вестник Нижегородского гос. ун-та. – Вып. № 1. – 2008.
12. Тимофеев К.А. К вопросу о происхождении инфинитивных предложений в русском языке // НДВШ: филологические науки, 1965.
13. Тимофеев К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском языке. – М., 1950.
14. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., 1941.
15. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. О модуляции глагольных инфинитивов в русском языке // Вестник Мордовского гос. ун-та. – Вып. № 8. – 2014.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.81.3.32-35

ОБ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗНАЧЕНИЙ ПАРЕМ В ЯЗЫКАХ РАЗНОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Дехканова Озода Комиловна

*преподаватель кафедры методики преподавания иностранных языков
Худжандского государственного университета имени академика Бабаджана Гафурова,
Республика Таджикистан, г. Худжанд
E-mail: vahobova.ozoda@mail.ru*

ABOUT EXTRALINGUISTIC FEATURES OF PAREMS IN LANGUAGES WITH DIFFERENT GRAMMATICAL STRUCTURE (BASED ON THE MATERIAL OF THE UZBEK AND TAJIK LANGUAGES)

Ozoda Dehkanova

*Lecturer of the chairment of methods of teaching Foreign Languages
under Khujand State University named after academician B. Gafurov,
Tajikistan, Khujand*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается своеобразный экстралингвистический характер значений фольклорных произведений типа парем, образованные с участием слов-фитонимов, которые являются языковым богатством каждого, отдельно взятого народа. В качестве иллюстративного материала привлечены узбекские и таджикские паремы, где в большинстве случаев их экстралингвистические основы однозначно совпадают друг с другом.

ABSTRACT

The article deals with the particular extralinguistic nature of the meanings of folklore works such as parems, formed by the participation of words-phytonyms, which are considered to be the linguistic richness of any individual nation. As an illustrative material, Uzbek and Tajik parems are used and in most cases their extralinguistic bases clearly coincide with each other.

Ключевые слова: фольклорные произведения, пословицы, поговорки, национальный дух народа, паремиологический фонд, план выражения, план содержания, парадигма, мир растений, фитонимы, языковая реализация, экстралингвистическая основа парем, система и др.

Keywords: folklore works, proverbs, sayings, national spirit of the people, paremiological foundation, plan of expression, plan of content, paradigm, plant world, phytonyms, language implementation, extralinguistic basis of paremas, system, etc.

Национально-культурная специфика фольклорных произведений ныне становится традиционной темой исследований. Важно отметить, что в фольклоре проявляются особенности богатства любого национального языка, в которых, таким образом, выражаются национальный дух и своеобразие народа.

Одним из произведений устного народного творчества, т.е. фольклора, являются паремы и фонд, посредством которых проявляется мудрость определённого этноса [4, с. 11].

Можно сказать, что паремиологический фонд языка – это бесценное национальное лингвистическое богатство народа, в котором художественно отражаются его обычаи, традиции и история. Это объясняется

тем, что в паремиях (поговорках и пословицах) закрепилось различное восприятие и оценка сфер человеческой жизни.

Парадигма, т.е. система парем – это совокупность пословиц и поговорок, составляющая важнейший элемент духовной жизни, культуры народа, все из которых отражаются соответствующими средствами национального языка, выраженными через языковую форму, смысловое разнообразие, поэтичность художественной структуры, образность.

Каждая пословица и поговорка – это художественно-образное суждение народа. Они представляют реальную общественную истину. Следует отметить, что не все паремы вечно сохраняются в языке.

Каждая выжившая парема с течением времени ускользает, находит иное выражение, приобретает другую словесную форму. Система парем (пословиц и поговорок) относится к системе языка как его идеальное лингвистическое богатство, что характерно для систем морфем и лексем, которые относятся к языку, а не к речи [2, с. 162].

Значения некоторых парем типа пословиц и поговорок носят общенародный, т.е. интернациональный характер, как это наблюдается в содержательном плане словаря, чем определяется сходство содержательного плана парем с содержательным планом составляющих их лексем (слов).

Языки не отличаются друг от друга по отношению к плану содержания их словарного состава, а отличаются по отношению к плану выражения словаря [7, с. 231]. Подобный же характер имеется в системе парем языков разных народов.

Совокупностью значений парем образуется понятие, которое является общенародным, т.е. интернациональным, что характерно для совокупности значений лексем. Так, например, понятия «любовь», «человек», «женщина», «мужчина», «вода», «дерево», «сад», «хлеб», «работа», «помогать», «трудиться», «пить», «двадцатый» и т.д. являются общенародными. Они различны по отношению к плану их выражения, т.е. каждое из этих понятий по разному вербализируется в каждом языке. Основой плана выражения определённых значений, т.е. единиц понятия, являются разные звуковые оформления, совокупностью которых определяется звуковая (фонемная) система каждого языка [3, с. 25].

Элементарными строительными материалами парем являются звуковые комплексы, чем различаются план содержания и план выражения каждой паремы друг от друга, а также и парем языков каждого народа.

Значит, понятие – это внутренняя, идеальная часть слова, что является общим для многих языков, она материализуется с помощью звуков, совокупностью которых определяется внешняя часть лексических единиц, т.е. слов, в каждом отдельно взятом языке. Единством внутренних и внешних сторон слов определяется их знаковой характер, что является предметом семиологии.

Таким образом, план содержания словарных единиц общенароден, интернационален, а план их выражения народен, т.е. национален: получается, что понятие одно, но его выражение разное.

Паремы, которые являются совокупностью пословиц и поговорок, были предметом рассмотрения в трудах таких исследователей, как И. Снегирёв, М. Иванов, И. Березина, М. Фозилов, С. Кукляшев, Х. Бердиев, Р. Расулов, М. Салихов, К. Насыри, В. Радлов, Т. Яхина, Г. Миниев, Х. Бадиг, Х. Ярми, М. Гали, Н. Исанбетов, Х. Махмутов и др. В узбекском языке имеется уникальный труд Х. Бердиярова и Р. Расулова «Узбек тилининг паремиилогик лугати»

(Паремиилогический словарь узбекского языка), в котором собрано более 10 000 пословиц [1, с. 12].

Подобный же уникальный труд имеется и в таджикском языке: «Фарханги зарбулмасал, макол ва афоризмҳои тоҷикию форси» (Словарь пословиц, поговорок и афоризмов таджикско-персидских) в двух томах, составленный М. Фозиловым, в нем собрано и интерпретировано более 9 тысяч пословиц и поговорок [8, с. 367, с. 582].

При работе с вышеупомянутыми фольклорными источниками, нами была обнаружена масса парем со словами из области растительного мира, среди них более 100 парем относятся к узбекскому языку. А также 80 парем со словами из области являются таджикскими и 75 парем подобного характера относятся к русскому языку [8: с.367-582], [4: с. 480].

Изучение языка фольклорных произведений, как пословиц, так и поговорок отдельных языков является актуальным и своевременным, чем наглядно представлена лингвокультурология каждого народа.

Изучение же фольклорных произведений типа пословиц и поговорок еще актуальнее в синхронно-сопоставительном аспекте, чем определяется историческая лингвокультурологическая взаимосвязь народов, которые жили на общей территории. Об этом свидетельствуют наши наблюдения по изучению парем узбекского, таджикского и английского языков в синхронно-сопоставительном аспекте, в синтаксическом строе данных языков имеются слова-фитонимы как их конструктивные элементы.

Синхронно-сопоставительное изучение языка фольклорных произведений типа парем позволяет проследить отношение человека к труду в разных культурах, его стремление проявлять физические и интеллектуальные силы, использовать свои знания и опыт для достижения определённых результатов. Об этом свидетельствует система таджикских и узбекских пословиц, которые складывались в различных исторических условиях, социальных организациях, убеждениях и системах действий, общественно-экономическом строе [3, с. 19].

В настоящее время выполнен и опубликован целый ряд исследований, посвящённых изучению паремий в разных аспектах. К ним относятся работы Х. Бедиева, Р. Расулова, И. Калонтарова, Ш. Рахматуллаева, М. Фозилова, Х. Суванкуловой, Г. Сидорковой, А. Наумовым, Г. Пермяковым¹ и др. Среди них имеются и работы, в которых изучены паремы со словами из области растительного мира.

Интерес к данной проблеме обусловлен важностью растительного мира для человека. Языковые реализации названий растений в пословицах и поговорах имеют метафорическое значение. Наименования флоры – необходимая часть лексики в любом языке. Человек всегда проводил аналогии между собой и миром природы и растениями, что нашло непосредственное отражение в языке. Именно в ней отражается культура народа, его обычаи, приметы и устои, мифические и религиозные утверждения.

¹ Х. Бедиев, Р. Расулов, И. Калонтаров, Ш. Рахматуллаев, М. Фозилов, Х. Суванкулова, Г. Сидоркова, А. Наумов, Г. Пермяков

Жизнь любого народа невообразима без тесной связи с миром растений. Мир природы помогает человеку создать собственную картину мира. Выбор качеств того или иного растения в качестве переосмысливаемого прообраза определён как особенностями человеческого мышления, так и культурно-историческими факторами, географическим положением страны, её политическим устройством. Следует отметить, что пословицы в разных языках отражают разную национальную картину мира, с которой они тесно связаны. Одинаковые языковые компоненты пословиц у разных народов способны вызывать неодинаковые эмоциональные и словесные ассоциации [5, с. 124]. Кроме того, окружающая среда и жизненные условия, реалии быта тоже могут оказывать влияние на способ мышления и психологические особенности мировосприятия людей. Этими факторами могут объясняться различия в значении схожих по смысловому составу пословиц и, в то же время, сходство общих значений пословиц, сформулированных через совершенно разные понятия. Как в узбекском языке, так и в таджикском, в связи с богатой историей, число пословиц весьма велико, что в общем характерно для немалого числа мировых языков, поэтому их не так просто проанализировать. Например, мы попытаемся провести сравнительный анализ некоторых пословиц в этих языках со словами-фитонимами. Наиболее часто встречаются узбекские народные пословицы с названиями деревьев (**дарахт**), фруктов (**мева**) и культурных растений, таких как: // цветок, фрукты - виноград, яблоко; зерновые - пшеница, рис, ячмень. Например: Сабр б=лса **г=радан** халво битур (узб.), (Будет терпение, абрикос станет слаще); **Узум узумни** куриб ола булади (узб) [1, с. 312]. (букв. Виноград набирает цвет у другого винограда); Узоынинг **донидан** якиннинг **сомони** яхши. [букв. (Лучше солома рядом, чем зерно вдали); переключается с русской паремой, т.е.: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе»] **Бювун** есанг сахар е, сахар емасанг, захар е. (т.е.: Каждому овощу свой срок) [1, с. 389]

Олмани тагига **олма** тушади (т.е.: Яблоко от яблони не далеко падает); **Мевали дарахт** калтак ейди. (букв. Плодородное дерево страдает) **Дарахт**, меваси билан ыадрили. (По плодам ценят дерево) [10, с. 308, с. 289, с. 93].

Подобное же употребление парем наблюдается и в таджикском языке, где часто встречаются паремы, в составе которых имеются слова в значениях мира природы (растений), как **дарахт** (дерево), **гул** (цветок), **алаф** (травы), **харбуза** (дыня), **тарбуз** (арбуз), **себ** (яблоко), **ангур** (виноград), **гандум** (пшеница) и др. Например:

Ангур наоварда туруштаъм бувад, Р=зе ду се сабр кун, ки ширин гардад (т. е.: Не беги впереди паровоза, не забегай вперёд). **Ангур** ангурро дида ранг мегирад (букв. Виноград набирает цвет у другого винограда); **Гул** гулро дида месабзад (букв. Цветок цветёт при виде другого цветка-С кем поведёшься, от того наберёшься). **Каламфури** наыд беъ аз ыалвои насия (Лучше горький перец в руках, чем халва в

долг); Одами бекор-**дарахти** бе бор (Человек без дела - дерево без плодов); Сари **дарахти мевадор** хам аст (букв. Голова плодородного дерева всегда согнута); Аз як палак чанд хел **ыандалак** (букв. Из одной плети разные дыни). **Харбузаро** х=р, туро бо **пиёз** чц кор (букв. Ешь арбуз, какое тебе дело до лука) [8, с. 367, с. 582];

Значение парем, как было сказано выше, метафорически связано с человеческой жизнью, поэтому они носят характер антропоцентричности, что подтверждается и нашими наблюдениями на основе собранных нами парем в узбекском и таджикском языках. В пословицах изучаемых нами языков особое внимание уделяется внешним, индивидуальным, нравственным, физическим, эмоциональным, психологическим и ментальным характеристикам человека, его социальному положению, системе ценностей, деятельности и поведенческим особенностям.

Семантический план, т. е. план содержания системы парем разнообразен, в нём охвачены разные семантические группы, значения которых денотативно не связаны друг с другом. Поэтому паремии, в структуре которых имеются слова-фитонимы, могут быть разделены по разным семантическим параметрам. Таким как: описывающие поведение или действия человека; качества и черты характера человека; отношения между людьми; внешние характеристики.

Наши фактические материалы, относящиеся к узбекскому и таджикскому языкам, свидетельствуют, что наиболее регулярными являются пословицы, актуализирующие различные качества и черты характера человека. Например, значение пословиц «**Гулни** севсанг, **тиканни** ыам севасан» [6, с. 134] связано с красотой человека. Пословица предупреждает о капризности красивых людей.

В отдельных паремиях также просматривается ассоциация, основанная на метафорическом переносе человек – растение. Следует отметить, что реализация этого переноса значений парем в узбекском и таджикском языках может отличаться, но в большинстве случаев экстралингвистически значения совпадают друг с другом в связи с одинаковым образом жизни, общими традициями и историей этих двух народов [5, с. 231]. Различия наблюдаются как в выборе растения, так и в ассоциативных комплексах, связанных с тем или иным растением. Например: функционально-семантическим эквивалентом узбекской паремы «**Гурунч к=рмаксиз** б=лмайди» (букв. Рис не бывает без камушек - И на солнце есть пятна) [1, с. 86] является – «**Шоли** бе **курмак** намешавад» в таджикском языке [7, с. 358]. И план выражения, и план содержания этих парем в узбекском и таджикском языках однозначно совпадает.

На семантическом уровне значительная часть анализируемых нами паремий имеют различного рода коннотации в виде положительной и отрицательной эмоциональной оценки. Примерами актуализации негативных коннотаций можно считать большую часть паремий нашей выборки, так как их цель – указать человеку на его недостатки и научить

других правильно принимать маленькие человеческие минусы, так как идеальных людей в мире не бывает. Примерами актуализации негативных коннотаций могут стать следующие паремии: (в узб.) Мулойим **дарахт**ни курт ейди. (в тадж.) **Дарахти** мулойимро кирм мех=рад. (узб.) Бир **гул** билан баъор б=лмайди. (тадж.) Бо як **гул** баъор намешавад.

Положительные коннотации мы можем наблюдать в таких паремиях как: (узб.) **Дарахт** **япроғи** билан кўркам, одам – мехнати билан. (тадж.) Булбуле бо **гул** зиндааст. (узб.) Хар **гул**нинг =зифори бор. (тадж.) Гул гулро дида мешукуфад.

Фитонимы в паремиях узбекского и таджикского языков – чрезвычайно интересный и самобытный языковой пласт, выявляющий специфику мировосприятия носителей языка и культуры. Пословицы с фитонимом «**дерево**» в данных языках обладают как положительной, так и отрицательной коннотацией [7, с. 31]. В пословицах узбекского и таджикского языков использованы красочные образы и

сравнения, они богаты иронией и тонкими наблюдениями. В заключение отметим, что анализ паремий с растительным компонентом доказал влияние на язык народа реалий повседневной жизни. Исследование фитонимов способствует познанию специфики культурной жизни народа, их быта и традиций. Конечно, большинство пословиц имеют эквиваленты в обоих языках и мы не можем точно определить в какой нации и в какое время они первыми появились, но ясно одно, что духовная и культурная близость объединяет два народа, которые особое внимание уделяют труду и воспитанию, соответственно данные понятия отражаются в языке [5, с. 54].

В заключении следует отметить, что изучение системы парем каждого языка как одной из разновидностей фольклорных произведений является актуальным и своевременным, ибо они экстралингвистически отражают историю и культурно-духовную жизнь народа.

Список литературы:

1. Бердиёров Х., Расулов Р., узбек тилининг паремиологик лушати/ Издательство «+йитувчи», Тошкент, 1984. – 389 с.
2. Бердиалиев А., Хидиров Р. Бозирги =збек адабий тили/ Издательство «Рахим Жалил», Худжанд, 2013. – 207с.
3. Калонтаров Я.И, Мудрость трёх народов, Панду насиъати се ыалы/.– Издательство «Адиб», Душанбе, 1989. – 427 с.
4. Ковалева С. 7 000 золотых пословиц и поговорок. – М. : АСТ, 1999. – 480с.
5. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов востока. – М: ИВЛ, 1979. – 671с.
6. Рахматуллаев Ш. узбек тилининг фразеологик лушати/., Издательство «Йомуслар», Ташкент, 1992. – 412 с.
7. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. – Москва, 1981.
8. Фозилов М., Фаръанги зарбулмасал, маъюл ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ/ «Ирфон», Душанбе, Т. 1-(367с.); Т. 2-(582с.), 1977.
9. Шукуров М.Ш., Хошим Р., Капранов В.А. Толковый словарь таджикского языка в 2-х тт. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 952 с.
10. Шомаксудов Ш., Шорахмедов Ш. Маънолар маъзани/ «+збекистон миллий энциклопедияси», Тошкент, 2001. – 448 с.

Научный журнал

UNIVERSUM:
ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

№ 3(81)
Март 2021

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54436 от 17.06.2013

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, улица Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3
16+